Алексей Козловский

ПЕРЕЛЁТНЫЕ АНГЕЛЫ
НАШЕЙ ЛЮБВИ

Абакан
Хакасское книжное издательство
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос–Рус)6–5
К 59

На обложке рисунок художницы В. В. Бондиной.

Козловский А. Д.

К 59 **Перелётные ангелы нашей любви**. Стихи. — Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. — 158 с.

ISBN 978–5–7091–0607–9

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос–Рус)6–5

© Козловский А. Д., 2013
© ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», 2013

Стих 1
НА ГРАНИ

Существует проза на грани стиха,
А стихи на грани греха
Или та же проза?
Удивительная метаморфоза
На грани смеха и слёз,
Удобная уловка для тех,
Кто, не овладев навыками писания стиха,
Объявляет свой опус на грани греха
Изредка или частенько довольно,
Когда уже больше,
Но ещё не больше,
Когда все не совсем довольны,
Но уже довольны…
Хотя день на грани ночи – это вечер,
А ночь на грани дня – это утро.
Ничто в этом мире не вечно,
Даже мудрость, если на грани,
Не мудрость совсем,
И это ясно, наверное, всем…
Без проблем.

Стих 2

Супруга композитора Гайдна
Не понимала, чем занимает её супруг
Свой досуг.
Музыкой, а что это за занятие такое

И чего оно стоит?
Поэтому, в силу своего недопонимания,
Уделяла мужу мало внимания,
А листы с партитурами использовала
Как подкладки под горячие сковородки…
Явные непорядки,
Отсюда многих нотных листов не хватало,
Но и этого ей было мало,
Она сковородки о букли
Композиторского парика вытирала с силой.
Терпи, милый,
Если от твоих занятий мало денег,
Ещё возьмусь и за веник.
«Я покажу тебе скерцо и фуги», –
Это слова супруги.
А потом все удивляются –
Откуда такие бабы берутся?
Да классики наслушаются
И… дерутся!

Стих 3
ВСЁ ЗАБЫВАЕТСЯ?

Как быстро мы забыли Владимира Соколова,
Да не Соловьёва, который с ТВ,
А поэта такого, и Леонида Мартынова,
И Фёдорова Василия –
Они вроде правильные,
А ещё неправильные были,
Те, что при сталинском режиме сидели:
Смеляков Ярослав, Жигулин Анатолий,
А Мандельштам и вообще сгинул в неволе.
Последняя строка, приписываемая ему,
Про жирных вшей, а почему, не пойму!
На скелетах и такой рассадник благополучия.
Погиб от истощения в лагере на Востоке Дальнем,
И не от несчастного случая.
А ещё Павла Васильева били,

В землю вбивали буквально.
Сидел Заболоцкий, погиб Корнилов…
Астафьев рассказывал,
Когда он работал собкором на Чусовой,
Том опубликован был, толстенный такой,
На 600 репрессированных литераторов.
А современные политические ораторы
Возмущаются: «За что мы не любим Сталина?»
И правда, за что?
Спросить бы у Бабеля или Ахматовой,
У Михаила Кольцова!
А за что любим? Спросить у Зюганова и Удальцова…

Стих 4

Девяносто шесть градусов по Фаренгейту –
Это температура человеческого тела,
Если бы по Цельсию, то кровь в теле уже кипела
Или вот-вот закипит,
А так – ничего, даже ещё знобит
Слегка (не хватает 0,6 градуса)
И взять негде,
Всё равно что на прожитьё, до зарплаты.
Друзья разлетелись, как кегли,
Предчувствуя удар круглым таким вопросом.
В самую точку – страйк!
Все разлетелись по сторонам – кто куда.
Выживай сам, хоть по Цельсию,
Хоть по Фаренгейту,
Хоть по самому Биллу Гейтсу
Или математику Лейбницу.
Может, попросить у Бога лестницу
И влезть на небеса, опередив всех,
Не надеясь на скорый успех…
Но в ответ только смех.

Стих 5

Депутаты ставят ребром вопрос:
«Почему в наших столовых кормят плохо –
Порции маленькие, а цены – до звёзд,
Так на заседаниях можно сдохнуть!
А вот в правительственных столовых –
Другой компот. Там поступают от обратного,
То есть поступают наоборот –
Порции большие и вкуса приятного».
Ну, господа, сравнили Госдуму
И наше работающее правительство,
Так ведь и министры полезней будут,
Чем Ваше, думское, превосходительство.
Да эти депутаты заелись совсем,
Везде им происки Госдепа видятся –
Малы порции – по две всем,
Покуда всерьёз они не насытятся.
И тогда каждый будет за двоих пахать,
Ниву законов на совесть вспахивать,
И некому станет на министров кивать
Да с цветка на цветок перепархивать.

Стих 6

«Требуется человек среди геймеров», –
Объявление в Интернете.
Кто из обыкновенных юзеров мог поместить такое,
И стоит ли? Стоит!
Может, человек понадобился прогеймерам –
Профессионалам, играющим за деньги,
А то в результате геймплея
Уже друг от друга отличить не умеют
И хотя бы издали посмотреть на человека,
Пусть даже нуба,
Лишь бы не квасил губы
И помнил, что, кроме сеттинга,
Есть и невиртуальная действительность,

Где госу – не просто хороший игрок,
А если подставить кулак к носу,
То забудешь про все свои прегрешения
И про аватарки забудешь,
А без оглядки помчишься к простым людям,
Безо всяких умозрительных фигур,
Сразу вспомнишь про дурочек и дур –
Простых смертных, простых юзеров,
Возможно, даже из лузеров.
И пускай стрейфуют сколько влезет им,
Наш человек непобедим!

Стих 7

Каравеллы Кристобаля Колона,
Пардон – Христофора Колумба,
Отплыли однажды от одной клумбы
До другой клумбы,
Не признавая ни Юханссона-Тумбы,
Ни Патриса Лумумбы.
Всё плавание длилось десять недель.
И что делать с этим теперь?
Может, отозвать надо было
Несчастного Христофора,
Колумб который,
Из столь длительной командировки
При его-то сноровке,
Только чем его отзывать,
Не работала тогда радиосвязь,
Разве только голубей посылать?
Но свершилось знаменательное открытие,
Вот что наделало одно лишь отплытие…
И с тех пор в ушах одна лишь Америка,
Доводящая до истерики!
А вот если бы он не ходил никуда,
Эта восходящая генуэзская звезда,
Или его друг, Америго,
Показал бы на картах фигу…

Ведь помалкивал же в тряпочку Эрик Рыжий,
Когда он встал из Европы «на лыжи».
А может, этот рыжий просто не выжил?
Но тогда как бы мы про его похождения узнали?
Едва ли.
А возможно, и не подозревали бы ничего
До полёта Юрия Гагарина самого?
Когда он, глянув из космического окна,
Закричал бы: «Вижу, вон она!»
Она – это кто?
«Да Америка, братцы, треугольная
В океане такая!»
И тогда бы все про неё узнали,
А мы бы своей объявили:
И статую Свободы, и все американские
Автомобили,
Даже Кеннеди к себе переманили
И совместно построили коммунокапитализм.
И не нужно было бы сейчас костерить Хрущёва,
А заодно и товарища Горбачёва,
И не надрывал бы своё горло
Команданте Кастро…
Ну, хватит об этом, баста!

Стих 8
ПЕРЕЛЁТНЫЕ АНГЕЛЫ НАШЕЙ ЛЮБВИ

Эта девочка, как я теперь понимаю,
Целоваться совсем не умела,
Но какое нам было дело –
Мы жили просто, без «Камасутры»,
Просыпаясь счастливыми рано утро
И засыпая поздно ночью…
Когда ангелы раскрывали небо над нами
И махали, смешные такие, крылами,
А мы убеждали себя, что ничего не происходит,

Ни запретного, ни разрешённого…
И звёзды срывались с небосклона,
Падая где-то рядом с нами,
Но вороны кружили над головами,
И ангелы улетали,
Эти перелётные ангелы нашей любви…
И мы оставались одни,
Верней, один на один
С воронами и бедой…
А потом мы расстались,
Верней – это я с тобой,
Хотя в записных книжках нашей планеты
Всё осталось,
Но выцвели те чернила
Из нелепых таких «самописок»,
Да ещё письма и пара записок.
А вороны не улетели,
Они размножились и заматерели…
Когда только успели,
Но об этом потом, в самом деле.

Стих 9

Когда из проезжающей мимо «тачки»
Раздаётся музыка оглушительная такая,
Что, кажется, подпрыгивает капот,
Ты понимаешь, шофёр – идиот
Или градация восприятия у него другая,
Или дождь в голове идёт,
А может, он ещё не попадал в переплёт?

Стих 10

Ветер, выдувающий из головы мозги,
Ветер, выдувающий «мозги» из страны,
И после этого в голове – ни зги,
А страну словно вытоптали слоны.
Нашу, северную, которая и так потеряла немало –
Самых тёплых территорий части,

Откололись ещё в девяностых отчасти,
А тут ещё эти блоковские ветра
С вечера до утра,
Нипочём им холод, нипочём жара.
Девушки перелётные мигрируют в тёплые страны,
Мужчины улётные – куда не ведают сами,
Конечно, с усами,
Но встречаются и без усов –
Пионеры нефтегазоносных районов,
И каждый – Всегда готов! И вполне без слов.
Есть, правда, парочка,
Которая никуда не улетела,
Но главный понял – швах дело,
А тот, что помладше, ещё храбрится,
Изображая пантомиму в лицах,
Пока в столице.

Стих 11
БЛОГИ НА ДОЖДЕ

△ 1 △

В Европе, на нефтепроводе из России,
Счётчики топлива напрочь забили
Презервативы и детские соски.
Вот manda-voski.
Это как же они попали туда
Без следствия и суда?
Неужели во время нефтеобразования
Кто-то предохранялся до потери сознания?
А детишки этих неандертальцев
Предпочитали соскам сосание пальцев,
А соски выбрасывали в нефтяные пласты
И бежали в доисторические кусты,
Где как раз их родители развлекались
И в спешке от атрибутов любви освобождались…
Куда?
Да туда же, куда и соски,
Всё туда и туда, и туда…
А сами на охоту, айда!

△ 2 △

Губернатор, обвиняя питерцев в жлобстве,
Когда они классонили и показывали премьеру
При встрече различные пальцы,
На стадионе получил от болельщиков «Зенита»
Обструкцию,
Похожую на инструкцию:
– Продай дачу, построй стадион!
– Продай дачу, построй стадион!
И уточняли ему же:
– Губернатор – жлоб!
А тот думал: «Чтоб я оглох».
Правда, одно неясно,
Почему горожан обвинили в жлобстве,
Может, потому, что показывали мало пальцев,
А не всю пятерню?
Ну, это уже было бы откровенное НЮ.

△ 3 △

Участниц группы «Пусси Райт»
Спецрейсами отправили:
Одну в Пермский край,
А другую – в Мордовию
Изучать богословие.
Ужо вам там, погодите!
У властей отлегло от груди…
Там – туда не ходи
И сюда не ходи:
«Снег башка будет».
Всё-таки северный край –
Не пуссирайть!

△ 4 △

Одного парня – помощника депутата –
Славные чекисты умыкнули из Украины
И водворили в тюрьму.
А поделом ему,

Не будет с властями догонялки устраивать,
А до этого, небось, непотребность готовил,
Забыв про долг и про совесть.
Так почему же чекисты об этом помнить обязаны,
Они с ним пактом о ненападении не связаны,
А тем более обещанием, что не будут бить,
Нечего с друзьями на Болотной бузить,
А сыщикам нечего «тренироваться на кошках»,
Можно бы и Березовского пощипать немножко.

△ 5 △

Памятник жертвам политических репрессий,
Установленный 22 года назад, в Самаре
Снесён, только его и видали.
То-то те, кто расстреливал, рады,
И, наверное, на лбу выступала испарина,
Всё-таки парк имени Гагарина.
Чудны дела твои, Господи:
То в другом государстве выкрадут человека,
То памятник знаковый снесут –
Фантомы 37 года из прошлого века,
Неужели они присутствуют тут?
Этак и до ледорубов дойдёт дело…
А что, неслабо и смело.
Правда, у властей оправдание:
Нужно было облагородить территорию
Возле памятника заранее,
Как раз ко Дню памяти – 30 октября,
И постарались не зря.

△ 6 △

Пьяная девушка за рулём дорогого авто
Мотоциклиста сбила, ну, хоть не убила,
Только отлетела у парня стопа,
А могла раздавить как клопа…
Но смирной девица была
И, не скандаля, уснула в машине патрульной,

Недосыпала в загуле разгульном!
Ну и стоит ли шуметь тут,
Полицейские и сами
Кого-нибудь да собьют,
Ежедневно почти,
Учти!

△ 7 △

Сотрудников школы на Ставрополье,
Которые запрещали хиджабы,
Родители осудили: «Какие-то жабы,
Ну, одели девочки платочки,
Мусульманские девочки-дочки.
Не балаклавы же они одели
И не спели в классе: «Богородица, оборони
От директора или от краевого инспектора,
Или от ЕГЭ и ГЕА…» –
Понятно, ага.
А христиане крестики носят.
Что с того, что на теле,
В самом-то деле.
Некоторые носят на теле шпаргалки –
Вам жалко?
Не пропускать же из-за этого занятия
Конфессиональной братие?

△ 8 △

Владелец шиномонтажки в Сургуте
Расстрелял чиновников
(сноса этой «монтажки» виновников).
Да нет, папа построил шарашку,
Эту самую шиномонтажку,
А срок аренды ещё три недели назад истёк,
Закончился срок, и сынок потёк,
Потому что чиновники пришли с бумагой:
«Ломать!»
«Ах, туда вашу мать!» –

Мальчик достал пистолет,
Но палил отнюдь не в белый свет
И двоих уложил, дебил.
Один из них мусульманин:
(пятница, дождь) попадёт парень в рай.
А стрелявшего – на пожизненное, баш на баш.
Вот такой вышел шинопассаж.

△ 9 △

Или вот – история в Казани.
Пошли правозащитники в колонию,
Побеседовать с заключёнными:
Не обращаются ли с ними противозаконно?
А те жалуются: «Да, мочат…» – и предъявляют биту,
Почти бейсбольную… Недовольные.
А чему радоваться, если на бите надписи:
«Прокурор», «Адвокат», «От геморроя…» –
Да что это такое?
Столько функций и все на одном предмете.
Зэки жалуются, как дети:
«Обижает администрация,
Грозится спустить в канализацию…» –
Но правозащитников потащили в суд,
И хотя был прокурор крут,
Но ему далеко до той самой биты,
Которой были заключённые биты,
Не отправили наших правдолюбов в суп,
И больше они ответственности не несут.
И не сидят… пока,
А то бы им битой отдубили бока.

△ 10 △

«Правительство Москвы выделит 30 млн рублей
На памятник Столыпину… от столицы всей!»
Хотя чего, ведь убили-то его в Киеве,
Да и мысли тут всякие были:
О «столыпинском спальном вагоне»,

Отнюдь не в хорошем тоне,
О «галстуке» не пионерском совсем,
Короче – куча проблем.
Наконец, решили… всё-таки министр
Каких-то дел,
Но и это ещё не предел –
Великий реформатор, а не болтун-оратор.
Главное – общину деревенскую раскачать,
А крестьян за Урал послать.
Мои дедушка с бабушкой из-под Рязани
Прибыли сюда едва ли не с завязанными глазами,
В деревню Строганово, в простонародье – Католики,
И хоть просится рифма про алкоголиков,
Пили мои предки мало,
А вот работали много и почти даром…
Вот такие-то, господин Столыпин, дела,
Санкционированные вами
И плохо усвоенные нами.

△ 11 △

Перед Ксенией Собчак сидел розовый пластилин,
Откормленный и мнящий себя демократом,
Тестообразный (власти боящийся господин),
Придерживающийся передовых взглядов когда-то.
Он одной из телекомпаний дал мокренькое интервью,
Не предполагая, что об этом друзья узнают…
Дал и сказал провинциалам: «Адью!» –
И вдруг, о горе, на Первом канале упоминают
Положительно очень: «Теперь, – говорят, – он наш.
Оппозицию критикует похлеще «единороссов»…
И берут пластилинового интеллигента на абордаж.
Взволнованные друзья катят к нему вопросы.
И вот он оправдывается перед собеседницею своей,
И тошнит от его оправданий что-то…
У него нет ни взглядов, ни передовых идей,
Когда он виляет и мячи забивает в свои ворота…

Стих 12

Весны напор беспечен и неистов,
Как перекличка утренних капелей…
В туман уходят жёны декабристов,
А им навстречу – жёны менестрелей.

Стих 13

Я расстался с тобой столько лет, столько зим назад,
Что снега превратились в большие деревья,
Но каждую осень напоминает мне листопад
Про наши смешные по-детски кочевья.
И то, когда мы уходили на воображаемом корабле
Подальше от берега и болтались
В нейтральных водах,
Но всё трудней нам было возвращаться
К своей земле.
Да и взрослей становились мы год от года.
А теперь, как слепые, навстречу друг другу идём…
Наверно, встречались, но проходили мимо,
И у каждого в сердце воспоминание
Ржавым таким гвоздём:
«Мы убиты прошлым, – сказала бы, – мой милый».
Что мне делать? И я, согласившись с ней,
С той, без которой не мыслил когда-то
Существования,
Как теперь понимаю – последней любовью своей,
На грани клятв и на грани пустых обещаний…

Стих 14

Прежде все как-то проще были:
Один внук дьячка, другой – разнорабочий,
А сейчас все потомки князей и графов,
На худой конец – остзейских баронов.
Хотя не нужно заполнять графы:
«А кем твои были до 17-го года?»
Явно не воеводы, не выплачивают кредиты и штрафы,

От алиментов активно расползаются в стороны.
А туда же: казаки бравые,
Графы да бароны с примесью в крови самогона.

Стих 15

Молодые девочки любят изобретать велосипед,
Для этого им не нужно даже конфет,
А дай только простой карандаш –
И уже полный ажиотаж.
Мыслят категориями пролетающих столетий,
Рассыпают пригоршнями междометия,
Уплывают в «подводное царство
Рассыпанных стёкол»,
Прощаются и прощают у открытых окон…
Боюсь, начнут выпадывать,
Как хармсовские старушки
(те ведь тоже были допрежь молодушки),
И у них секунды превращались в вечность,
А теперь мёрзнут и болят конечности,
И падения происходят в… бездну по ночам.
Девочки ищут того, кто бы мог их понять
И таких холодных к себе прижать,
Раскочегарить их остывающие топки
Или хотя бы погладить по… попке.
И тогда все минусы превратятся в плюсы,
Прорвут и затянутся тотчас флюсы,
А все тори вдруг переродятся в виги,
В головах произойдут фундаментальные сдвиги.
«Милый, что я тебе не сделала?..»

Стих 16

Город моего детства
Изъездили вдоль и поперёк
Три «Москвича», одна «Победа» –
Остальное велосипеды,
Как в каком-нибудь там Китае.
Эти велосипеды жужжали,

Похожие на бестолковых стрекоз,
Изредка звонками звенели,
Повсеместно болтались качели,
И рукою было подать до звёзд.
Потом город куда-то исчез,
Небес приподнялся навес,
Становилось всё меньше чудес,
И сынишка с вопросами лез,
И не лезла с губами ОНА,
Просто стала моею женою
(как ни странно, слегка другою),
В этом есть и моя вина,
Что видна она стала до дна,
Только города голубизна
Словно выцвела надо мною.

Стих 17

В детстве я знал название только одной горы –
Это была Фудзияма.
Не знаю, кто мне объяснил тогда прямо,
Что «яма» – это гора,
А детство – большая игра,
Вот моё воображение и металось
Слева направо:
От речушки с названьем Протока
До горы Фудзияма.
У Протоки были притоки,
Но все маленькие такие,
Как и я сам, а Фудзияма – большая гора,
Таковою была с утра
И вечером была таковою,
Не скрою.
А потом я стал подрастать,
И гора моя стала мельчать,
Потом я узнал, что у горы есть свой Хокусай,
Необычнее, чем «Банзай!»…
И, вообще, у японцев было много такого,

Непонятного, как любое их слово.
И от этого никуда не деться,
И всё-таки Фудзияма
Манила к себе упрямо –
Как эхо далёкого детства.

Стих 18

«Легко на сердце…» – Лебедев-Кумач –
И «Широка страна моя родная…»,
И тётки в крепдешине, хоть заплачь,
Но женихов к себе взяла другая,
Та, что страшнее Синей Бороды…
И выйти суждено из борозды
Немногим, и кому не повезло,
Остались только в хрониках кино,
И то не все, но до сих пор война
Сердца живых скребёт, как борона…
Да от сухой, непаханой земли
Одни ошмётки ржавые, в пыли.
А тётушки заводят патефон
И открывают двери на балкон,
И я, малец, чтоб их развеять грусть,
Как взрослым, им партнёром становлюсь
И этим самым тётушек смешу,
И денег «на кино» у них прошу,
А тётушки не жадные – дают,
Как будто мой оплачивают труд,
Как будто бы оплакивают быт
Своих несостоятельных планид.

Стих 19

Ещё о послевоенном детстве
В глубокотыловом городке
Толком никто не рассказал,
И уже о нём поспешили забыть
(а какой в этом криминал?)
Ну, подумаешь, не у всех отцы возвратились с фронта,

Многие просто перестали быть,
Но осталась извечная мальчишечья фронда,
И не фронда, что нужно отцов любить,
Что хранить нужно редкие их фотографии,
Их личные вещи (какой пустяк),
Их письма, отнюдь не образчик каллиграфии,
Не для истории, а просто так.
И потом, когда лет через сорок
Сын твой спросит или внук подчас.
Тебе не придётся гадать… который,
И смотреть на спрашивающих,
И не прятать глаз.

Стих 20

Если октябрь вдруг ощетинится снегом,
А ноябрь ему теплом возразит,
То осень такое раскроет небо,
Что до января обеспечит ветрам транзит.
Я не знаю, согласна ли ты на замену
Всех своих безделушек на бриллианты зимы,
И насколько мне проще перенести измену,
Но сейчас, чем после у кого-то просить взаймы.
Хлопнув дверью, уйдёшь ты,
Предельно нарушив строки,
Словно выбьешь у ожидающего казни
Из-под ног табурет.
И его же в отместку ты назовёшь жестоким.
И услышишь лишь хрип в ответ.

Стих 21

Спать, спать, спать –
Крутятся шестерёнки часов.
Ты не можешь ни спать,
Ни встать, а уставил глаза в потолок:
Спать – не спать,
Встать – не встать?
И уже не скрипит кровать,

И уже не стучат часы
(им надоело по комнате ходить
в сплошной темноте и стучать
в сплошной пустоте).
Часы те и не те,
Время то и не то –
Летнее время зимою,
Зимнее – летом со мною
И без меня, и без тебя,
И без света… раскалывается голова,
И по подушке растекаются мозги…
Спать и видеть сны,
Но не видеть ни зги.
Снова стучат часы,
Обутые в сапоги
Сорок четвёртого размера,
Приблизительного замера.
Грохочут, как на плацу,
В четвёртом часу!!!

Стих 22

Когда пароход отходил от причала,
Всегда включали какую-нибудь песню,
Теперь не помню, хоть тресни,
Но жизнь не начнёшь сначала,
И поэтому я решил, будет пусть
«Летят перелётные птицы…»
Я с родиной, здесь остаюсь,
И соседей уставшие лица
Казались светлее чуть-чуть.
Разгоняли плицы речную муть,
И наступало ощущение праздника,
Луна выползала из своего заказника,
Появлялись звёзды над плёсом,
И жизнь казалась вполне хорошей.
Хотя от войны было всего лет пять
И многих солдат продолжали ждать

Матери и жёны-вдовы,
И ребятишки бедовые,
А старики, суровые и седые,
Знали, что сыны во славу России
Полегли в своей и чужой земле,
Поминая того, кто сидел в Кремле,
Направление указывая своей дланью,
И не предполагали, что скоро и его не станет,
Но и сыновей уже не вернуть домой…
Они завершили свой путь земной.

Стих 23

Москва беременна метро,
Она как героиня-мать,
Ей время суток – всё равно,
Не устаёт рожать, рожать…
И люди благодарны ей
(что поднимаются из чрева),
Идут направо и налево,
И прямо… по Москве своей.

Стих 24

Время закатов бедных
И чувств бледных,
Или наоборот,
Это кому повезёт.
Время к ноябрю ползёт,
А тому пятиться неохота,
Он похож на животное,
Которое заблудилось в городе,
И его даже травить не стали,
Его даже не распознали.
Но время идёт… куда?
Время следит всегда
(оно после себя столько следов оставляет,
их называют приметами времени,
и они хорошо знакомы старшему поколению).

Да и младшему это знакомо
До боли в горле, почти до кома,
Почти до комы,
Когда известные – все искомы,
А неизвестные – сплошь бездомны
И вероломны.

Стих 25
НОВОСТИ ОКТЯБРЯ

▵ 1 ▵

Салон интимных услуг около Сретенского монастыря,
Испытывать воздержанием божьих слуг нельзя.
Открыт бордель «Подушкин» на Рождественском
Бульваре – оплата почасовая.
Это вам не у какой-нибудь мадам в будуаре,
Здесь категория совсем другая –
Около двух тысяч рублей за час.
Простым не осилить такого людям,
Ведь ещё и девушкам заплатить надо…
Но благочинный даёт честное слово:
«Здание наше, а подвал не наш…» –
Там, где этот самый «Подушкин»,
А девочки-бабочки – такие душки…

▵ 2 ▵

Пока около монастыря проституток ловили,
В Кузбассе посерьёзней кое с чем засветились:
В пещере нашли следы… и подле – рыжеватые волоски,
Но учёные не стали стенать от досады-тоски,
А просто провели анализ на ДНК,
Какая уж здесь тоска:
Ещё не человек, но уже не примат,
Выходит, наш брат,
Любой будет рад.
Это значит, что на планете действительно
Живут не только малые дети,
Но и вполне взрослые ЙЕТИ.

Ура, братцы, родня –
Я, ты, он, она – вместе дружная семья…
(только «снежный человек» не желает брататься,
продолжая скрываться).

△ 3 △

А тем временем экс-прокурор Екатеринбурга
Поехал поохотиться с друзьями… на чернобурку?
Товарищ его, менеджер из Питера,
Так раздухарился,
Что в неизвестность из ружья разразился
И попал в бывшего товарища прокурора,
С ЖКХ в свою бытность боролся который…
Прямо заколдованная организация –
Все на неё, а она на всех…
И пожалуйста, снова успех.
А горе-охотнику не повезло,
И до этого один персонаж косил «под хрюшку»
И попал другу «на мушку».
Мужик-то ещё молодой,
А нарвался на старушку с косой…

△ 4 △

«Из Российской национальной библиотеки
Имени Салтыкова-Щедрина
Уволят 350 сотрудников» – на…
Усекла эта самая Щедрина,
Что повышать надо библиотекарям на…
Сколько должен быть выигрыш в зарплате?
Оставшимся хватит и старушкам работать хватит.
Старость нужно уважать на…
Пенсию им платят-то на хрена?
Перетопчутся и на этом полезном пособии,
И безо всякой фобии.
Живёт остальная страна
И не бастует, и никого не посылает на…
Ни в здравом уме, ни со сна…

△ 5 △

«Нам, реформируя полицию, –
Заявил глава МВД, – грузинский вариант не указ.
Там всех служивых выгнали враз,
Но это разве страна, видимость одна,
А Россия – одна восьмая часть суши,
Так что зря поразвесили уши,
Будем свои кадры учить
Тестировать, а при необходимости и «лечить»…
Когда-то Сталин сказал кому-то, кажись, Фадееву:
«Я других писателей не имею» –
Так и здесь…
Вот на Западе при разгонах демонстраций в дугу согнут!
На Западе бьют, но там суд,
А у нас на пинках несут
В этот самый суд
И там столько дают,
Что не хватит годовой зарплаты,
За чих в сторону тех, которые тебя бьют.
Вроде бы не по блату бьют –
Прямое нарушение закона,
Бить граждан, словно своих знакомых,
Да ещё у себя дома.

△ 6 △

В Москве наступил день «жестянщика»,
Теперь СТО не сидеть без дела,
Правда, голова не болит у коммунальщиков,
Как у дятлов, долбятся неумело,
Перебрасывая снег с места на место,
А то и вовсе оставляя его в покое
На дорогах и тротуарах просто.
От соседства с надолбами
Времён обороны московской
Прохожие возмущены:
«Мы живём не во времена Руси допетровской».
После Пётр нашёл выход от всех невзгод,

На север перебравшись, заодно и от
Морозных московских погод.
Это было давно, а теперь-то –
Машин побольше
И коммунальщиков, и продвинутых СТО,
А мы всё норовим как в Польше…
Выражаясь на лексиконе простом.

△ 7 △

Весь мир переходит на зимнее время,
Остаётся Россия и Африка.
Тёплому континенту это не нужно,
Там и светло… и грешно, а ещё – смешно,
А вот в России свой кураж и ажиотаж.
Говорят, у нас плохо с ЖКХа.
Отныне и присно, и навека,
Вот и остаёмся на времени летнем,
Несвоевременном и несовершеннолетнем,
Авось обманем природу,
Приписав зиме летнюю погоду.
Теперь нам не страшен любой ЖКХа,
Мы смотрим на него свысока
Своих идущих впереди часов,
Своих непогрешимо суверенных основ,
Своих разделительных бордюров и полос,
Морозоустойчивых бабочек и стрекоз
И даже своих безразмерных законов,
Бесконечно в своих граждан и гражданок влюблённых.
В своих адвокатов, бюрократов,
Кастратов и технократов всех и своих.
Шквал аплодисментов стих.

△ 8 △

В конце октября удивительно жидкое солнце,
Как будто кто-то разбавил куриный бульон,
А КПРФ и «эсеры» открестились от оппозиции,

Как будто у них были свои позиции –
У обоих один котильон
Перед избирателями и в Думе,
Да кто бы иначе и мог подумать?
Это так устроиться при нынешнем-то режиме,
Создавать ему ширму и дёргать за вымя,
Требуя от существующей власти,
Чтобы их любили со страстью.
А внесистемная оппозиция, да что с неё толку,
Глаза – двухстволки,
Особливо у Удальцова.
А у Немцова?
Каспаров, говорят, в шахматы стал играть никудышно,
Чтоб им всем в дышло,
Заставляют нас с господином Мироновым
Поступать противозаконно,
А нам в Думе хорошо и тепло,
Как зимой у печки,
И берёзы стоят, как большие свечки,
Как сказал некогда Сергей Есенин
(будучи под запретом властей,
из-за чего жизни лишился всей).
Слушаться дядю надо,
Тогда будет полный порядок,
Все будут сыты и рады…

△ 9 △

Акция «Чья-то жизнь уже не мелочь».
Волонтёры собирают деньги
На лечение больных детей,
Чтоб им игралось и пелось,
После того как их вылечат на деньги ваши,
И вам самим жизнь покажется краше
От осознания, что поступили благородно,
С высоты
Своей взрослости и красоты.
Да воздастся каждому по его делам,

И уточняется – сторицей,
Вы, конечно, не войдёте в историю,
Но на душе станет легче и чище,
Дружище!

△ 10 △

Пригрели мы Митрофанова, господина,
Теперь почешем не затылки, а спины.
Глава депутатского комитета по СМИ
Предложил, чтобы критику партий ни-ни…
А не то до пяти лет тюрьмы.
Что-то запосаживали нас «садоводы»,
Наверное, к перемене погоды.
Вот это Митрофанов, какой молодец,
Был обаяшкой, а теперь – капец –
Ещё не Удальцов, а уже удалец.
Что поделаешь,
Течёт время, и меняются люди,
Вот и в Италии «наш друг Берлускони» будет
Целый год проводить… в тюрьме
За какие-то махинации.
Давали пять, но тот в прострации,
В результате три из четырёх скостили,
Чем наказание весьма упростили.
Но и этот друг – хитрец, сидеть не собирается,
Он по-прежнему по судам таскается,
А самому уже 76-й год идёт.
И теперь он нам пока не друг,
Не хватало ещё якшаться с подозрительными
Элементами
И рейтинг терять с удивительными процентами,
А то прокатят… с аплодисментами
По всем новостным лентам.

△ 11 △

Депутат «Единой России» А. Сидякин
Растоптал на трибуне Думы белую ленту,

Чем повысил свою депутатскую ренту
В глазах братьев-единороссов,
А у других сразу масса вопросов.
Свой поступок он объяснил тем,
Что оппозиционеры оборзели совсем
И пожелали растоптать Россию,
А кого, спрашивается, они спросили?
Да и чем рисковал,
Когда её сам господин президент обозвал
Ничем иным, как средством борьбы со СПИДом,
Контрацептивом, как он полагает, болидом
В головы людей не совсем здоровых
И вообще не новых.
Ах, не попался он со своим отрицанием отрицания
Старым философам,
Те бы ответили ему на все вопросы,
А наши депутаты, на которых насел Сидякин,
Честно обещали подумать,
Прежде чем беспокоить Думу,
И открестились от «несистемной» оппозиции,
И вообще продолжить курс: «Не маргиналов,
А профессионалов»,
И перестать ходить ужасно налево,
Да и направо,
Чтобы не стать «болотной» партией
И жить без риска и даже без тихого писка,
Чтобы не осерчала киска.

12

Всё-таки молодец наш премьер,
Думает о членах думских партий,
Получали по 20 рублей за голос,
А будут – по 50.
Те, кто бойчее рванут со старта
(«Единая Россия», например,
Получит более полутора миллиардов),
Она и в Госдуме, считай, пионер,

Ну как тут не поздравить
С таким выигрышем на бильярде!
КПРФ отхватит поменьше рублей,
Ещё меньше – остальные думские фракции.
На святое дело денег не жалей,
Им тоже нужно проводить акции!

△ 13 △

В Хельсинки студент ради эксперимента
Поселился в грузовом контейнере,
Наверное, в школе пропустил моменты,
Когда изучали про мужика в бочке,
Который, в ней отсидев свои пятые точки,
Вылез с фонарём, офонарев, закричал:
«Ищу человека, мать вашу так!»
И люди с испугом на него косились,
Чего желает этот чудак:
Может, в такси его оскорбили,
А может, с женой у него не комфорт.
Бывает, от этого человек превращается в философа
И начинает чудить с этих самых пор,
Пока не разрешит семейного вопроса.
А про студента что возразить ещё?
У нас многие живут в «контейнерах»
И по рынкам ходят к плечу плечо,
И за рыбкой тоже, как финны на сейнерах,
И таким ни холодно ни горячо.

Стих 26

Депардье предоставлено российское гражданство.
Режиссёр Говорухин говорит – за пьянство.
«Нет, он играл в фильме Распутина, –
Возражает президент Путин. –
Жерар убежал из Франции от налогов.
75 % миллионеров – много,
А у нас 13, – продолжает Путин. –
Освободим француза от этакой жути».

На самом деле он просто милашка
И у Говорухина мог сыграть Промокашку
В его месте, которое изменить нельзя.
Заменим Бортника на Депардье, друзья!
«Бросьте чудить – это всё афёра,
Может, он Абдулова заменит Алфёровой?»
Вслед за Депардье и Брижит Бардо
Грозится выпросить у России гражданство.
Однако в доме Облонских совсем не то,
Если нет во Франции для имущества постоянства.
В России – налоговый рай, и к нам
Вдруг потянулись богатенькие Буратино,
А у Бардо ещё и любовь к слонам…
Какая-то запутанная картина.
В Лионе слонов больных усыпить
Хотели, а Брижит – борец за живность.
Убьёте – уеду в Россию жить
И там буду проявлять свою активность.
Не знаю, из меня плохой шаман,
Прорицатель весьма никудышный,
Но если к нам изо всех стран
Нахлынут, правительства пославши в дышло?
Но хватит гадать, пока вдвоём:
Брижит и Жерар – друзья народа,
А с их-то деньгами и мы заживём,
Как на островах Науру своего рода.
Глядишь, и с капиталистов спадут шоры,
И станут они говорить беспечно:
«Мы храним «бабки» в российских оффшорах,
И дело прибыли уже обеспечено».

Стих 27

Художники, как всегда, впереди планеты всей:
То квадраты чёрные рисуют,
То приучают к этому делу коней,
А тут и вообще покатили «вкрутую» –
Один из самых оригинальных «мазил»

(ну, ладно бы по холсту елозил задом),
Отнюдь не скажешь, что полный дебил,
А тут собрался командовать парадом:
Оригинальней, чем к ослиному хвосту кисть,
Чем с пейнтбола краску пулять в стену
(здесь впору хоть умри и ложись),
Додумался рисовать своим членом.
Стенания критиков всё сильней,
И несутся они по одному руслу:
Не принимает народ оригинальных идей,
Не понимает ни поп-, ни арт-искусства.
Перед сеансом нужно штаны снимать
(натурщики и те посматривают косо),
А как прикажете «кисть» поднимать,
Если «упала» – это тебе не лошадь.
Так тут не кликнуть: «Сарынь на кичку!»
Тоже нам художник нашёлся смелый,
Взял в моду вредную привычку,
А ведь этот «инструмент» для другого дела!

Стих 28

В воздухе, в каждом из его атомов,
Присутствует осень, хотя что здесь такого –
Простое время осеннее,
Оно может быть прилизанное и кудлатое,
А то и смахивающее на весеннее…
И моё настроение ровняется по этому времени,
Так страна живёт по московскому времени,
Даже если в каком-нибудь Йемене
Изучаешь их иностранные книги,
Ты всё равно нашего роду-племени,
И видок у тебя, как у попа-расстриги,
А все твои знания – твои вириги.
Идёшь ученый, а ребятишки – этакие шишиги –
Хватаются за костюм и за книги,
Но тебе ссориться с ними не с руки,
И ты, отмахиваясь, вспоминаешь интриги
И ускоряешь шаги.

Стих 29
ПАСТЕРНАК ЦВЕТАЕВОЙ

Он мучился, казнился до отчаянья,
Молился едва ли не зимней радуге,
Что прах Марины Цветаевой
Остался где-то в Елабуге.

Ему облака казались медведями,
Развалившимися в берлоге,
И поделился бы горем с соседями,
С теми оставшимися немногими.

Но только подумал, на этом и кончилось,
Правда, о кутье успел вспомянуть
И не назвал по имени-отчеству,
Просто обрезал последний путь.

Обрезал, со всеми его ухабами:
Через Чехию и Париж – домой,
Завершился не где-нибудь под Елабугой,
В могиле, отнюдь не именной.

Стих 30
О БАСЁ

Как перелётный гусь,
Он, прозванный «Банановым деревом»,
Мог бы, предсказывать не берусь,
Но при каком-нибудь господине
Безбедно жить и спину не гнуть,
Как его товарищи, и всласть писать…
«Хокку нельзя создавать из разных кусков,
Как ты это сделал,
Его надо, как слиток золотой, ковать
Терпеливо и смело», –
Говорил он своему ученику
И уходил в путь до срока далеко-далёко.
А себя он сравнивал с вороном-скитальцем,

А стихи выводил корявыми пальцами,
Но выходили они, о чудо,
Как мелодии, задевающие и стариков, и юношей.
Басё, жизнь окончена,
Но это ещё не конец,
Из 17 века стук твоего сердца
Перемежается со стуком наших сердец…

Стих 31
Римские элегии Бродского

В полночном Риме пишет он ни о чём,
В пламени свечи вдохновение находя,
В запахе копоти, струящейся вверх, свечном,
Вроде бы в Риме иначе писать нельзя.
По всему видать, он устал, отчего?
Но в римских элегиях только косвенно есть о Родине,
О былой войне в прожекторах ПВО,
А ещё о друге, Ашкенази вроде.
Он про Север так и пишет,
С большой буквы только,
Но и про Юг тоже с большой,
Как источник его вдохновения,
Его мир делится на золотые дольки,
Но всегда монолитно окружающее население.
Он благодарит за всё, что с ним ещё случится,
И за город этот, его забвение,
И теряется, как в осенних лесах лисица,
И тянется к Бенетте его вдохновение.

Стих 32

Смешно читать у молодых,
Какие у них странные боли в сердце,
Какие у их бабушек в банках перцы,
И как это здорово, бить под дых.
Опять же, какие они крутые хипстеры,

Сноровисто забивающие «косячок»,
И пока дело не дошло до клистера,
Приятное это дело свербит мозжечок.
Вообще, интересная начинается жизнь,
Фрики, как святых лики,
Только вера у них другая,
И здесь не помогут лики и даже крики,
Ни лошадиная живопись,
Здесь вам не скажут: «Брысь!», –
И даже нынешние парторги,
Организаторы сумасшедших оргий,
Сами не знают, где низ, где высь,
Хоть живьём в гроб ложись.

Стих 33

Почему в провинциальном Саратове
Любит девушка только женатого,
А под городом Нижним, т. е. Горьким,
Удивительно ясные зорьки,
А в газетах про это ни слова,
Там склоняют «справедливоросса» Гудкова,
Во все лопатки костерят оппозицию
За гнилую вроде бы их позицию.
В это лучшее время года,
Когда рухнула с дуба природа,
О политике хотя б ни слова,
Нынче публика мало готова
Посещать злополучные митинги,
Ей бы лучше в салоны на лифтинги,
Где посмотришь на дивные рожи –
У ораторов дряблая кожа,
У блюстителей, что помоложе,
Сплошь прыщи возрастные, о, Боже.
Вот и гладят по спинам дубинками,
Хомячками морскими и свинками
Величают сердитый народ
И чего-то советуют в рот.

Стих 34
ДЯДЯ БОРЯ

Сей дядя в городе достопримечательность местная,
Личность весьма известная.
Зимою курирует он каток:
Заливает лёд, снег – за заплот,
У него не накосячит никто.
К ребятишкам у дяди особый подход,
Его понимает мелкий народ,
И вообще, он – активная личность,
Хотя от этого не получишь наличности,
В своё время отсидка закалила дядю:
Седина спереди и седина сзади,
И шикарная борода,
Как у Черномора,
Первое место среди бородатых по городу.
С трибун его не переговорит ни один оратор,
И не распропагандирует ни один агитатор.
За принцип он сцепится даже с бывшим командиром ОМОНа,
Когда всерьёз разозлённый.
К тому же дядя Боря весьма «зелёный»,
Поддерживает политику «справедливороссов»,
Впрочем, и к тем у него масса вопросов.
Мой сын его встретил на книжной ярмарке
(как Маркс бородатый и такой же яркий),
Он бы и Прохорову замучил вопросами,
Навохудоносор!
Зато летом дядя Боря – дачник,
И не считается, что он – неудачник.
Ему 73 года,
Но не обделила здоровьем природа
И умом не обделила,
В отличие от некоторых дебилов.

Стих 35
АЛЖИР

Алжир – страна на севере Африки
И, как я понимаю, республика.

А в нашем «Алжире» другая была публика,
Это страна на севере Казахстана –
«Акмолинский Лагерь Жён Изменников Родины» –
Их считали исчадиями и уродинами,
А это были женщины, вся вина которых –
Замела в своё время контора –
Сначала мужей,
Потом жён,
Потом детей –
Всех рассортировал 37-й год:
Кого под пулю,
Кого за колючку,
Кого в детский дом
(и желательно детям сменить фамилию –
память об отце – враге народа),
Изгое того расстрельного года,
Когда могли заложить за то,
Что понравилось на соседе пальто,
Или позарившись на квартиру…
И человека отстреливали, как в тире,
В Бутово – под Москвой или в бору минусинском,
Забрать с Арбата или с Подсинской
Председателя райисполкома или управдома.
Потом начались разборки 1956 года,
Содрогнулись все, и даже природа,
Хотя последняя об этом знала,
Но скорбно и задавленно молчала.
Теперь на траншеях стоят кресты –
Большой и малой величины,
А глазницы черепов давно пусты,
Господи, прости.
Выжившие пацаны находили матерей…
И с этим жили, не имея проблемы отцов и детей,
Ведь отцов тоже не было с 1937 года,
И кто виноват, человеческая природа?
А как же быть со страной «АЛЖИР»?
Территория того лагеря в другом государстве

И к нам не имеет никакого отношения
По определению.

Стих 36

Ощущение листопада,
Пусть октябрь уже прошёл,
Ощущение камнепада,
Когда факты кладут на стол.
А растерянность так и нижет
В невесёлых твоих глазах,
И поскольку своих не вижу,
То выходит, что дело швах.
Я не вижу, но разглядела,
Даже больше, чем надо, ты…
Только что нам теперь за дело,
Почему они так пусты?
Вот и лгу-то я неумело,
Хотя мысли мои просты,
Как своё ощущаю тело –
Эти скрюченные кусты,
Эти листья и эти ветви –
Всё давно свой прошло зенит…
На шоссе твоих километров
И на трассе моих орбит.

Стих 37
О Т Е Ц

– Я отца не видел никогда,
Привыкнуть не успел…
– Это тебе крупно повезло.
(монолог из кинофильма «Путь к причалу»)

ФАМИЛИЯ НА СТЕЛЕ

Я был маленьким, когда отец погиб,
Случился такой загиб –
Отец был и… сразу его – нет.
Стало не до конфет,

Но прошло много лет:
Мой сын с моим внуком пошли в кино
И в Комсомольском парке,
На стелах мемориала Героев,
Увидели фамилию своего деда – Героя…
Не скрою,
Но мой отец был Героем труда,
А до этого воевал тогда
И раненый попал в красноярский госпиталь,
Его Войно-Ясенецкий, доктор известный, лечил,
Архиепископ Лука позже канонизирован был.
А я не помню своего отца,
И могила его не сохранилась,
Но в далёком сибирском городе
Память о нём жива…
И сын мой с внуком моим
Носят к мемориалу цветы
И с отцом моим даже на ТЫ,
И хоть люди сугубо светские,
Почитают архиепископа Луку –
Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого.

ВОЙНА И МИР

В начале войны мой отец
(какой молодец),
Командир взвода разведки
На Северном фронте,
Он всегда был чуть склонен к фронде.
Одессит, а значит, рыбак,
Выуживал «языков» фашистских,
И считалось, что это пустяк.
Но при прорыве немцев на фланге
Оборонял штаб в ударной фаланге,
И его ранило тяжело:
Раздробило ключицу и плечо…
Было в тот день горячо,
Мой отец тогда выбыл из строя…

Но выжил, и, наверное, Богу было угодно,
Что после получил он Героя
За то, что хорошо кормил людей хлебом,
Он и за войну имел ордена,
Хотя в мирной жизни
Так и не дотянул до коммунизма.
Не всё было ладно в гражданской жизни
У бывшего воина и председателя колхоза,
Увяли семейные розы…
Отец погиб, а родных разметали по Северам
Служаки великого культа Личности,
Давно их нет, а мы остались в наличности:
Я, мой сын и внук – мученик школьных наук,
Знаток компов и «пих» –
С тем и попал в этот стих
О своём прадеде и обо мне,
И о фамилии на стене
Мемориала Героев в городе Красноярске,
Хотя от этого многим ни холодно и не жарко,
Но нам приятно вдвойне,
Что память осталась хотя б на стене!

Стих 38

Когда-то в Красноярске, всегда один,
Среди тусовщиков поэтических
Частенько мелькал Борис Хургин
И считался почти… политическим.
А вообще-то, где-то на Ангаре,
В тайге,
Он работал вздымщиком
Сосен саженных
И в их млечном соке, как и в янтарной смоле,
Черпал вдохновение, удивляя своими пассажами:
«Что кобенишься-то, Ирша,
Ботать брось по фене.
Раздвигай-ка ноги ширше,
Я заферлупеню…»

Он казался нам этаким хулиганом
(во рту жвачка, которую называли тогда чуингамом)…
Кто-то говорит, что умер рано,
Кто-то – что уехал и живёт в Нью-Йорке.
Честный парень и вовсе не интриган,
Отсекающий от сосен коры корки.
Он, выдающий смешные стихи
И человек, сильно пьющий,
Утащил в Америку за собой грехи,
Как мне думается, в поисках жизни лучшей.
Больше о Борисе я ничего не знаю,
Всё-таки Америка с другого края.

Стих 39

Снег наполовину высушило,
Наполовину разнесло ветром.
Подморозило, и его остатки
Напоминают клочки ваты или
Обрывки перьев,
А уже потерявшие листву деревья
Кажутся чёрными и гадкими,
Как настроение отдельно взятого человека,
Запертого в одном из отсеков
Затонувшей подводной лодки,
Где он сидит на ящике с водкой,
И он решает для себя,
Пить или умереть трезвым –
Философствовать бесполезно.
Но глядя на клочки «медицинской ваты»,
Я вспоминаю, что уже умирал когда-то
И только Бога просил мне помочь,
И тот сказал: «Как я слышал, ты бестолочь
И хорошо, что не сволочь,
А просто слабохарактерный человек,
Я продляю твой воробьиный век
На несколько парсек».
А я всё попрошайничать продолжаю,
Хотя Бога с тех пор уважаю.

Стих 40

С этим парнем мы когда-то
Рассекали по Ленинграду туристами,
Город каменный, и улицам далеко до чистых,
Но мы, сибиряки, больше истории внимание уделяли
И, вглядываясь в прибалтийские дали,
У памятника Самодержцу мечтали.
А после в гостинице, пряча свой кошелёк под подушку,
Он уверял, что так безопасней и лучше,
Мне же было совсем невдомёк,
Зачем прятать на ночь деньги
В двухместном номере,
Запирающемся изнутри на ключ.
«На всякий случай,
Во избежание неприятных эксцессов,
Вплоть до уголовного процесса…»
После я его встретил
Попутчиком в кузове грузовика,
И он сказал, что тётка издалека
Прислала ему американское пальто
На оранжевой подкладке. Маркое,
Но вполне ноское зато
И с модной на спине складкой.
Я позавидовал ему слегка,
Всё-таки американское, издалека…
Были молоды мы тогда,
Считая, что юность – это беда,
А вокруг был огромный Советский Союз,
Про который извне говорили: «Боюсь!» –
Их тоже охраняли баллистические ракеты,
Понатыканные по всей планете…
И вдруг – американское демисезонное пальто.
Я подумал, что-то здесь не то
И чего-то не так,
Наверное, посодействовал враг,
И посоветовал парню выбросить пальто в овраг,
Но кратко сказал он: «Дурак!» –

Хотя и сам думал он про то,
Как бы половчее избавиться от пальто.

Стих 41

Осень, начинается у поэтов страда,
Они выходят с «косами» наперевес
И ещё со времён допушкинских начинают всегда
С того, что косят траву и лес.
Конечно, косы – предмет иносказательный,
Можно, к примеру, ружьишко употребить;
Накладываешь на курок палец указательный
И начинаешь во все стороны без разбора палить.
В записки попадает листва проржавевшая, сучья,
А то целый лес и синь полинялых небес,
Ещё можно вспомнить про парочку разных случаев
И про вёрсты, которые колом стоят до небес.

Стих 42

Достать из шкафа зимний пуховик,
Шапочку тёплую, плотной вязки,
И всё это натянуть на себя без опаски,
Самому себе в зеркале показав язык.
Норвежцы говорят – нет плохой погоды,
А вот плохая одежда есть,
И если впереди маячат невзгоды,
То постарайся плотнее поесть.
Теперь хорошо бы в автобус без давки,
А после в электричку побыстрее сесть
И, устроившись с комфортом на лавке,
Не замечать, кто с тобою в соседях есть.
Вот и по жизни куда-нибудь ехать,
И чтоб на окружающих – ноль,
А слушать в наушниках свою Пьеху
И проклинать если, то свою юдоль.
Сойдёшь, где надо, – твоя погода,
Песни дослушал, книжечку дочитал…
Отметил конец календарного года –
Пусть промежуточный, но финал.

Стих 43

Моя первая книжка вышла в 1977 году –
Описание природы и ничего… такого,
Меня упрекали тогдашние критики,
Что можно о властях найти доброе слово,
Партия у нас для народа одна…
Она и Солнце, она и Луна –
В полнолуние яркая такая, конечно,
Благодаря ей ты щебечешь беспечно.
Но и в следующих своих опусах я не внял советам,
В результате поплатился за это –
Вместо полнокровных книг – «братские могилы»
Сборников, с пишущими вполсилы.
Потом перестройка – всё утряслось,
Осадок остался лишь самую малость.
Теперь, когда начинают о новых зорях,
О новых апологетах, весьма достойных,
Я вспоминаю, что тявкал не очень смело
И в литературе не лез на амбразуры,
Чтобы воспеть строй и партийные фигуры,
А больше якшался с природой,
В любое её время года.

Стих 44

Эта женщина была молода,
Преподавала литературу
И любила вживую живую натуру,
И страшной болезни не было даже следа.
И познакомился я с ней когда,
Она активисткой была тогда,
Но в юном теле уже текла мёртвая вода…
Потом… прошли годы,
И от прежней любви не осталось следа,
Хотя вру – помнил я её всегда,
И в день, она умерла когда,
Эта весть долетела сюда,
И я подумал, что это неправда и ерунда,

И шевельнулось в душе острое чувство стыда,
Острое чувство беды,
И ощущение тяжёлой воды
В грудной клетке, как в реакторе,
Когда стержни уже вынуты,
Идёт неуправляемая реакция,
И похорон тяжёлая акция,
Всё-таки она была слишком молода тогда,
Когда растаяла без следа.

Стих 45

Два ангела везут в коляске ребёнка,
Два примерных мальчика убивают котёнка,
Двое мужчин «любят» одну женщину,
Две женщины бьют одну старуху –
И все вместе демонстрируют силу духа
(такая порнуха и такая пруха),
И улыбки от уха до уха.
Ребёнок улетает с ангелами,
Душа котёнка тоже устремляется вслед за ними,
Жадная до любви женщина
Охотится за другими мужчинами,
А те избегают её, и этому есть причина.
И только «убитая в сопли» старуха
Не теряет присутствия духа.
Она плачет, конечно, и знает,
Что мир, её окружающий, бессердечен,
Да она и своего сердца не чувствует совсем,
Плачет, но улыбается всем-всем
И надеется, что ангелы прилетят за нею,
И члены её немеют.
Но её отказывается принимать Бог,
У него есть железный предлог,
Что старуха не была крещена в детстве,
И никуда от этого ей не деться…
И живёт у людей приживалкой,
А мне её больше всех жалко.

Стих 46

С какой стороны подойти к осени?
Хотя называл её поэт кобылою,
К такой нельзя подходить вовсе,
Так лягнёт, что за душу милую.
Но это кобыла, а осень, она же –
Не очень коварное животное,
Скорей постройка многоэтажная,
С квартирами, смотря для кого, льготными:
Для стариков, честно отработавших свой век
На благо социалистического отечества,
Теперь лишним стал такой человек,
Но квартирку имеет, как ступеньку к вечности.
Из неё стартуют к иным полям
Старик со своею старухою.
Когда – вопрос? А пока по вечерам
Кричат друг другу гадости в ухо.
А молодые, которые не имеют жилья
И всё чаще поговаривают об ипотеке,
Это когда под хвост попадёт шлея,
Не помогут примочки из любой аптеки.
Оно так, пожалуй, и до развода дойдёт,
Если будут жить, шалаш снимая,
Вполне понимая, если мазь не прёт,
То и всё остальное не дотягивает до рая.
А что же осень, мимо она прошла,
Задержавшись только у квартиры льготной,
Хотя у стариков и так немало «бабла»,
Но и прочего, если вникнуть до подноготной…

Стих 47

Мы – советский народ,
А теперь российская нация.
Нас давно недород,
Угнетает нас экстраполяция:
С одного на другого проецируют взгляды, привычки.

Ничего здесь дурного,
Все ключи превратились в отмычки.
Мы – российский народ,
Наши лбы толоконные, светлые.
Проведение нас ведёт –
Нерушимое, беззаветно.
Мы – российский народ
И поддержка железной державе,
Даже злость нас не сразу берёт,
Как метан собирается в лаве…
Ну, а если рванёт,
Кто судить тогда нас будет вправе?

Стих 48

Мы пойдём в поля,
Где жгут прошлогоднюю солому,
В них даже ночью тепло и светло, как днём,
Нам будет весело и уютно, почти как дома,
И явственно слышно, как грохочет весенний гром.
Он будет рокотать далеко, нисколечко нас не пугая,
Словно желает поведать, что будет с нами потом,
И в горящей соломе запрыгают призраки попугаев,
Улетучившиеся с первым весенним дождём.
Возвратимся домой и пахнуть мы будем дымом,
И хвастать, как здорово время вчера провели,
И будем любить, и будем в ответ – любимы,
Даже улетая куда-нибудь
с выжженной нами Земли.

Стих 49
К вопросу о совмещении профессий

«Всё смешалось в доме Облонских…»
Так и у мирян со служителями,
Обычными и не очень… жителями.
Рассекал Фёдор Конюхов по морям исправно,
Но ведь не ходил, как Христос, по воде?

И вот – на тебе… подустал и переквалифицировался
В писателя и художника, а ещё… в священника
(натерпелся, Господи)!
И бывший министр, господин Шевченко
(тот, что запылил квартиру патриарха нанопылью),
Тоже в сторону церкви посматривает умильно,
Пока не превратился в священника
И, служа у себя в Питере,
В Крестовоздвиженском храме,
Не разместил в подсобке абортарий.
Этот, пожалуй, и «доктора Быкова» Охлобыстина
Переплюнул, услужив не одной даме.
Голова пойдёт кругом: то путешествия, то «Интерны»,
То аборты и прочие скверны…
Хотя вот в Красноярске профессор-хирург
Войно-Ясенецкий, он же архиепископ Лука,
Валентин Феликсович прибыл к нам издалека.
Побывал и в ссылках, и в тюрьмах, и в лагерях
От города Ташкента до Туруханска…
Не понимаю, как такой человек,
Лечивший в госпитале № 1515 моего отца,
Не наставил его на путь истинный до конца.
Имея талант художника, он мог вести богемный
Образ жизни, пачкая руки лишь красками,
А стал «мужицким врачом» – священником и
Жертвой политических репрессий.
Это он сказал безбожникам-обвинителям:
«Бога я не видел, но, вскрывая черепа, я также
Не видел там ума и совести там не видел…»
В госпитале он голодал постоянно, потому что
На кухне его не кормили, а он оперировал неустанно
И не успевал отоваривать продуктовые карточки.
Сталинскую премию отдал детям войны.
А на иконах его изображают частенько со скальпелем.
И когда он обходил палаты госпитальные,
Те, кто мог, вставали, а немощные «салютовали мне
Поднятыми вверх ногами…»

И подумаешь, это рассказ о драме
Или о правильно сделанной жизни хирурга
Войно-Ясенецкого – жизни трудной
И далеко не простецкой.

Стих 50

Почему люди асфальтом кидаются?
А потому, что дороги в Москве плохие,
Были бы которые автобанами называются
Или ещё какие – другие:
Человек попинал бетон – нормально,
Усёк, что построено на века,
А так… расстроился в смысле буквальном
И понял, чего хочет рука.
А там рукой этой подать до власти,
Размахивает в азарте асфальта куском
И кричит: «Не вынесу я такой напасти…» –
И ещё что-то про избирком.
А властям тоже не в кайф такое,
Давай бунтарей массажировать по хребтам,
А потом полгода не давали покоя,
Выискивая защитников по адресам.
Один даже спрятался на Украине…
Выудили, имеется опыт уже,
Поговорили… «до явки с повинной»,
Теперь за решёткою «на этаже».
А точнее сказать, в СИЗО, на продоле,
Пишет воспоминания о былом,
А люди интересуются: «Доколе
Он будет мести по бумаге, как помелом?»
А что вы хотели, в разрезе улиц
Всё возвращается на круги свои:
Милиционеры полицейскими обернулись,
И появились зажиточные слои.
А те с согражданами делиться не приучены,
Денежки вывозят легко за бугор,
Вот и участились подобные случаи,

Вот и получается такой разговор.
А парня, который на Украину бегал
И потом отказался от явки с повинной,
В Иркутск отправили – дорога длинная,
Он там лет 15 назад шапок украл 500 штук.
Теперь поднимут на правосудия крюк
И всё вспомнит, иначе – каюк,
Несистемной оппозиции друг.

Стих 51

Художники – стихотворцы весьма забавные,
Они считают, если я рисовать могу,
То почему про стихи ни гу-гу…
И сочиняют исправно,
Только выражаются посмелее;
Палитра (чуть не написал – пол-литра) болтается на шее,
У ног – подрамник,
Между ног – этюдник…
Художники – ещё те рукоблудники,
Только в хорошем смысле этого слова,
Пьют и руками блудить готовы
По телам своих дряблых натурщиц,
Представляя их юными девами,
Принцессами и королевами,
Которым они дарят свои стихи.
А их картины – это их грехи,
Хотя картины художники продают –
Всё-таки это адский труд,
Требующий определённых затрат…
Продал картину и безмерно рад,
И бейся хоть о какой заклад,
Когда в кармане настоящий клад,
Когда финансы не поют романсы,
Когда девчонки зовут на танцы,
А после в кафе, а после…
И не нужно напрашиваться к друзьям в гости,
Чтобы там поесть на халяву,

А потом опять голодать на славу
И писать стихи
Про несуществующие грехи…
И если опять пойдёт спрос на картины,
Стихи в стол или в корзину…

Стих 52

Между «внутренними делами» и «обороной»
Снова союз заключён влюблённый:
У одних при разработке спецоружия
Пропало 6 миллионов рублей наружности,
А у «обороны» – всего 3, но «зелёных».
Да, конечно, вышла небольшая промашка,
С кем не бывает, дана отмашка,
Вот и пользуют, как промокашкой.
Хотя учителей задевать не смеют,
А ведь они от родителей конфеты имеют,
Да ещё с цветами букетов…
Такой доход,
Оторопь простых людей берёт,
И врачи тоже те штучки,
Возможно, и круче, позолотите ручки…
А вы навалились на «оборону» и «внутренние дела»,
Посчитайте сначала… и чья взяла?
Вот вам и не болит голова
У дятла.
А она, оказывается, болит,
Только делает вид,
Что не болит.

Стих 53

Из разговора с одним «вундеркиндом»:
«Альбом дорогой,
Рисуй в нём только хорошее…»
«Здесь нужна классика,
а нарисую-ка я… УНИТАЗ!»…
Не так ли получается и у взрослых,

Когда они садятся создавать свои шедевры,
Намереваясь воспеть что-нибудь… этакое,
Строгое и классическое?
Насколько позволяет состояние им психическое
И умственные способности,
Заложенные в генах –
Черепной коробки… стенах.

Стих 54

В колоде карт без игры туз любой – рядовой,
Хотя думает, что городовой,
И может быть о себе любого мнения,
Но никакого сравнения
С начавшеюся игрой.
Здесь козырная масть – горой,
И козырная шестёрка является проходной –
Бьёт любого туза она,
Не обсуждая его за глаза.
И если это, к примеру, шестёрка крестей,
То она бьёт и туза пик,
и туза бубен,
и туза червей,
А также их королей и дам
Без стеснения по зубам!
Даже в «подкидного» – игре простой –
И то законен мордобой такой,
И никто не скажет: «Отстой!»

Стих 55

Вот Макаревича в отсутствии бунтарства
Упрекнуть не смею,
И вообще, на «Машине времени»
Он летал, где хотел и хотел куда – без труда.
В поварском деле знает он толк,
И толк, и смак, а вернее сказать:
Может накормить полк
Или дивизию запросто так.

Когда же он из плодов своих праведных
В Москве ресторанчик завёл,
То к нему заходили посетители правильные,
Однажды даже президент зашёл.
Многие улыбнулись – перепутал рокеров,
Шёл к мотоциклистам, попал к певцам.
– Здравствуйте, Андрей Владимирович,
Может, партейку в покер?
– Да я в этом деле ещё пацан,
Вот и решил сначала прикупить клинику,
Да боюсь сознаться вам от души…
– Ладно, Андрюша, не будь циником,
А если чего – письмо напиши.
Макаревич шутку понял буквально
И в ближайшее время в письме своём
Пожаловался на коррупцию досконально,
Мол, так и эдак, ко дну идём…
Но Путин-то президент и всё понимает,
Кто какую рыбку держит за хвост,
И вот, когда Макаревича в Совет по культуре толкали,
Он его вычеркнул… и весь вопрос.
Ты взятки давал, а на меня – с «кулаками»,
Не давай и будешь прибыльно зубы лечить,
А ещё от песенок ворочать деньгами,
А я и сам разберусь, кого «мочить».
«Основная добродетель гражданина –
Есть доверие…» – это ещё Робеспьер изрёк,
А мы всё про то же, мол, верим, верим
И в этот, и ещё в последующий срок.
Да, господи, верьте, кто вас неволит,
Только не скулите потом, дорогой,
Что и этот господин вас отфутболил
И ещё не раз отфутболит другой.
Домострой, он и в Африке домострой,
Только цвет кожи слегка другой.
И не стоит злоупотреблять доверием,
Приставая с различными суевериями.

Стих 56

Это плохо, если с родным человеком
Не о чем разговаривать по телефону,
Хотя подумать, то вместе переплываем реку
Нынешнего времени, влетев с разгону
В её воды. У сына заботы: встаёт рано, работает,
Опять же свой сын и достаточно нервотрёпки,
Хотя он и не скажет про пацанов «кишеглоты»,
И рука не поднимется задать трёпку,
И всё-таки созвонимся вечером – он молчит,
И я молчу, изредка вздыхая…
У сына всё в норме, и я пока не инвалид,
Видимо, планида у нас такая,
Всё понимаю, а душа болит.

Стих 57
КУЛЬТПОХОД

В ТЮЗ всей семьёй – отец, мать,
Сынок третьеклассник,
А там контролёр, выступая судьёй, говорит:
– А мальчик ваш остаётся в запасе.
– М-м-м? – сцена – немой вопрос.
– Нечему удивляться, матерятся на сцене,
Спектакль такой, и не дорос
Ребёнок слушать диалог «по фене».
– Позвольте, но Театр юного зрителя.
Мы и припёрлись всей семьёй.
Куда его-то?
– Ладно, проходите,
Только прежде надо соображать головой,
А не…
– Всё понятно, впредь умнее, что ли.
Не думали, что сказка – свет туши.
– Папа, пап, так и на футболе
Пацаны, как в театре, выражаются от души.

Стих 58
К А З У С Ы РР

△ 1 △

«Оказывается, если склонить голову влево,
То Эйфелева башня будет меньше…» –
Доказали психологи из Нидерландов,
Два мужика и одна дева.
Может, у них воспалились гланды
И слегка перекосилось зево?
А может, в голове, как свинцовые шарики
В батискафе, сместились грузы балласта
И в зрительном нерве появились Смешарики,
Тут-то башня уменьшилась, и баста!
Бедный, бедный инженер Эйфель,
Он и не подозревал такой метаморфозы
Со своей космической судоверфью
Или самой большой мировой занозой,
А может, для вселения оптимизма
(интерес к башне поутих со временем),
Вот и заболтали головами туристы –
Представители самого доверчивого племени.
А башня? Да стоит себе, понемногу
Ржавеет, огнями сияет торжественно,
Косится на зевак строго,
Как создателем и было завещано.

△ 2 △

Как тут понять современный мир?
80-летняя испанская бабушка,
Увидев траченное временем изображение Христа,
Взяла баночку с краской
И дописала образ по своему разумению,
И получилось всемирное недоразумение.
Сначала с ней хотели поступить как с Христом самим,
Но потом уразумели –
«Ессе Homo» («Се человек»)

И доступ к фрескам сделали платным,
К тому же доход… обратно.
Денежки понесли прихожане,
Лишь бы на дело бабушкино посмотреть,
А сама-то Сесилия Хименес чего будет с этого иметь?
«Художница» осмелела, и закипело… дело:
Наняла дюжину адвокатов,
Мол, старайтесь, ребята!
Хватит богатеть родному приходу,
А то гребут деньги и концы в воду.
Ещё Лифшиц говорил: «Делиться надо!»,
Тем более, считай, с неба свалившимся кладом.
Зеваки за первые четыре дня
На две тысячи евро озолотили церковь,
Где такой правильный, но исправленный Иисус.
Конечно, бабушкой овладел искус,
Попутал, как говорится, бес,
Иначе она, не поднимая шум до небес,
Тихо бы радовалась, что не подвергли
За художества наказанию,
Другим «богомазам» в назидание.

△ 3 △

В доме, где живёт знаменитый конструктор автомата,
Лифт ко дню его рождения установят автоматом.
Всё-таки М. Т. Калашникову девяносто три,
И подарок власти придумали изнутри
Его пятиэтажного дома,
Учитывая вклад в дело мира весомый.
Нам-то он мало в чём помогал,
Войну со вкладом своим проморгал,
Самую Отечественную и Великую,
А что до остальных – отмахались бы и винтовками,
С учётом солдатской сноровки.
Душманы преподносили нам сюрпризы «бурами»,
Правда, и «стингерами» не гнушались,
В результате с «калашами» мы ретировались.

Теперь мемуары пишем
И товарищей вспоминаем погибших.
Михаилу же Тимофеевичу уже 93,
А детищу его 65.
Собираемся за границей оружие покупать,
В том числе и стрелковое, типа автоматов…
Дожили, ребята.

△ 4 △

«В Москве проходит слёт «ночных бабочек»
С делегатками от «Серебряной розы».
Здравствуйте, и до свидания,
А почему бы не проводить
Этого Всероссийского слёта,
Девчата-то все хорошие.
Они понимают последствия любовных свиданий,
Любови не на расстоянии,
А ещё собираются вводить налоги на удовольствие,
Их профессия не относится к продовольственным.
Она относится скорей к чувственным,
Природной, а не искусственной,
Основанной на ваших эндорфинах,
И годится даже для борьбы с ангиной.
Нет, «ночные бабочки» не только бравы,
Но и правы, и лечить их надо,
А не только выжимать с этих «Silver Rose»
Радость и не фукать: «Какая гадость!»

△ 5 △

Разохотившийся до справедливости
Господин Чуров добрался до выборов американских,
Своей в этом деле не хватает шкодливости,
А значит, прославиться мало шансов,
Так озаботился выборами их президента
В штатовских апартаментах.
«Какие они всенародные, – шумит Чуров,
Обозначившийся колоритной фигурой, –

Если выбирают не избиратели, а выборщики –
Большие выдумщики…»
Вот что значит человек принципиальный,
А не актёр провинциальный.
Вот он бы наладил там, у них,
Если бы не один штрих…
Своей работы хватает дома… у избиркома.

△ 6 △

Догхантеры распоясались,
Только что людей не кусают,
А собак травят направо и налево,
Которые страдают от таких посевов.
Теперь вот на территории университета,
Не дожидаясь наступления лета,
Травят на глазах у преподов и студентов
И даже у любителей тамошнего абсента,
Но и собаки себя вели не по-хорошему.
Этакие приломоносовские Гавроши.
Студенты утверждают, однако,
Что «догхантеры» кусачее, чем собаки,
А по 167 привлекать их можно,
За уничтожение домашних животных,
И ещё, это от Сербского уже исходит:
75 % «живодёров» – те,
Кто в детстве над животными издевался вроде,
В некотором роде… при любой погоде.

△ 7 △

История нам до боли знакома:
Людмила Нарусова осталась дома
И не пошла на заседание СовФеда,
Сама ещё того не ведая,
Что оттуда её уже попросили,
Выписав «Почётную грамоту», но не вручили
По причине сенаторского отсутствия
В федеральном Присутствии…

А другой фигурант – Чубайс –
Может отправиться в космос,
Для этого господин вполне взрослый.
Но вдруг (не дай-то Бог) неудача,
И кто-нибудь сразу констатирует:
«Во всём виноват Чубайс»,
Повёлся на халявный прайс.
Ведь компания, которая отправляет в космос,
Его ведомства стопроцентная дочка, и… точка.
Стоит ему только сказать: «Да». –
И сразу в ответ: «Пожалуйте, вам туда…».
А его пассия Авдотья Смирнова
К такому финалу ещё не готова.
И, наконец, Света из Иваново теряет рейтинг,
Лишь бы размер бюста не потеряла,
А там можно начать всё сначала.
Правда, президент отменил свои встречи на
публике
По всей республике,
Сделав исключение для журналистов –
Пусть убедятся: «Броня крепка и танки быстры!»

△ 8 △

«Жадность фраера сгубила…» –
Трое блюстителей порядка
Сначала убили, а потом за убитого
Калым запросили.
Когда их раскрутили, выяснилось всё это,
И пора сдавать… пистолеты.
Убить человека из-за паршивого автомобиля,
Всё равно что за порцию чахохбили,
Герои из Хорошево-Мневников,
Что под Москвой, в Мытищах.
Вышло, что сами себя ищут,
А «БМВ» хотели продать за хорошие «тыщи»
И нож носили за голенищем.
Вот это заступники – клятвоотступники

И, конечно, преступники –
Полицейские, прошедшие аттестацию,
А теперь проходят санацию
Другого профиля… на Мефистофеля.

△ 9 △

Нас покидает господин Блатт –
Американец с израильским паспортом,
Тренер сборной по баскетболу.
И его мы сблатовали отнюдь не «по блату»,
Как брат – брата. Получили хорошую школу,
А играли-то как:
На Лондонской олимпиаде – третье место,
Могли быть и первыми, подвели нервы,
Плохо попадали сзади?
До свидания, господин Блатт.
Российский болельщик отнюдь не рад,
Может, какой-нибудь гад,
Только не наш брат.

△ 10 △

Наконец-то, весьма отрадная новость –
Учёные вычислили самого счастливого человека –
Матье Рикарда, 66-летнего монаха буддистского,
У него активность в левой мозговой коре такая,
Что шапка поднимается на голове –
Это и сдерживает негативные мысли
О всяком кликушестве или самоубийстве,
А ещё высокий уровень гамма-волн Рикарда,
Как у нашего известного музыканта-барда,
Буддиста тоже и на монаха похожего.
И весь секрет эффекта нейропластичности
Не в его комичности, склонности культа к личности,
А в правильной медитации,
Хотя бы по 20 минут находиться в прострации,
И уже через три недельки
Ты спокойнее, чем в тапочках стельки.

▵ 11 ▵

С чего это Онищенко, рекламируя
Медицинские маски,
Строит россиянам умильные глазки?
Или это его контора, штампующая маски которая?
А женщинам от масок одна польза,
Она подчёркивает их «загадочные глаза»,
А ещё, чтобы гриппом не заболеть,
Нужно, уходя с работы, об этом сожалеть,
Убиваться прямо,
Поддерживая медицинских масок рекламу.
Хотя на митингах в масках лучше не попадать
На глаза ОМОНу,
А то получите такого разгона,
Не помогут и «красивые глазки»
Такой владелице обворожительной маски.

▵ 12 ▵

А на певицу Вайенгу (Хрулёву)
Посыпались дивиденды снова,
В журнале, который читает полмира,
Её обозвали вампиром.
Получила 100 тысяч вместо 7 «лимонов»
С другого, прыткого же такого,
Ещё 160 уже вместо 12 миллионов…
И ещё 250 «деревянных»
С издательства «Бурда» и журнала «Отдохни» –
Окаянных.
Ей теперь можно не петь,
Если рекой льётся, правда, «медь»
Вместо «золотых лимончиков».
Главное в суд получай талончики
И выручку, не ленясь, подсчитывай,
Да журналы внимательнее почитывай.

△ 13 △

Наконец-то кончилось у Патриархии терпение
Или от пастырей отвернулось везение.
Разнёс их начальник за умение работать
С щедрыми людьми:
«Нескромно, братия, ездить на машинах роскошных,
Ещё немало людей дотошных,
Говорящих: «Прихожане нищие, а попы шикуют,
«Капусту» зелёную так и шинкуют».
Другой служитель упрекнул подопечных:
«Христос был нищ, а вы беспечны
И какой пример подаёте пастве,
Если добро не проносите мимо пасти?
Вот стану распределять вспоможение,
Учту ваших прихожан предложение
И лишу любителей крутых авто
Ежемесячных и квартальных…
Подношений, сиречь примиальных».

△ 14 △

Казаки переписывают «Лолиту» Набокова
По известной картине Репина,
Предлагая писателя заковать в цепи
За пропаганду педофилии.
Вот это питерские казаки –
Потомки тех, кто разгонял рабочих нагайками,
Чтоб на демонстрации не ходили «шайками».
Прародители нынешнего ОМОНа,
Благообразного и крещёного.

△ 15 △

А господин Полтавченко,
Получивший от питерских болельщиков
Обидное прозвище «Жлоб»,
Не обзывался чтоб,
Поручил законодателям разработать перечень

Запрещённых в ночное время звуков,
В частности запретить ТОПОТ КОТОВ,
Будет им впредь наука,
И ещё упрекнул земляков
За демонстрацию всяких пальцев
Во время приезда из Москвы постояльцев,
А не то гость обидится и был таков.

Стих 59

События в мире описывать интересней,
Чем копанием заниматься в себе самом,
Разметая по углам души своей плесень,
Убеждаясь, опять выходит облом.
Хвататься за голову, стенать и плакать,
Выдумывать, как сердце ноет в груди,
И опять развести такую слякоть,
Что хоть рёбра накручивай на бигуди.
А то воспеть любовь неземную
К такой же неприкаянной, как и ты,
А на деле встретить соседку бухую –
Типичную представительницу земной красоты.

Стих 60
КРАНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

Когда строили Саяно-Шушенскую ГЭС,
Это в 60–70-е годы,
Тогда во всём был у нас прогресс,
Особенно военные не выходили из моды.
И вот понатыкали вокруг неё
Частоколом, словно забор из кольев,
Ракет системы ПВО,
То-то солдатам было раздолье.
Они мёрзли на наших сибирских ветрах –
Это когда на дежурстве только,
А так служба на совесть, а не за страх,
Всё: казармы, столовка, погреба, подполья,

Ракеты на станинах, горючее, гаражи…
Я солдатам читал стихи в уголке красном
Про нашу армию, про любовные чьи-то грешки,
И, казалось, старался совсем не напрасно…
Но вот – перестройка, и сказали так:
«Кому нужна эта ГЭС-посудина,
За тысячи километров базируется враг,
Да и врагом Америка нам теперь не будет».
Солдаты уехали, ракеты забрав,
Наверное, после на металл пустили,
А «точку» мужики, хотя и не имели прав,
По кирпичику суток в пять растащили.
Даже кабели, от одного объекта к другому,
Из-под земли вырыли чуть не зубами,
И если не поверите мне на слово,
Приезжайте к нам, убедитесь сами:
Словно после налёта вспоротая земля –
Траншеи, бугры и огромные ямы,
Так и хочется воскликнуть: «М..ля,
Как после атомной бомбёжки прямо!»
Ветер гуляет по тощей степи,
Весною давно не цветут цветочки –
Это мужики, словно сорвавшиеся с цепи,
Решили судьбу стратегической «точки»,
Некогда охранявшую от удара ГЭС
Американских, кажется, ракет и самолётов,
А ГЭС рванули, да так, что обошлось без
Вмешательства иностранных пилотов.
75 жизней при этом отдав
Осатаневшему Енисею,
Превращая могущественную из держав
В такую… какой и назвать не смею.

Стих 61

Простому человеку в деревне выживать многотрудно,
Разве сравнить с жизнью после нашествия инопланетян,
Подозревая власти в бездеятельности подспудно,

А то и сознательно вводящих народ в изъян.
Люди разбегаются, бросая домишки муниципальные
На произвол ожесточённой судьбы,
А оставшиеся бедолаги многострадальные
Растаскивают их по брёвнышку, не дожидаясь беды.
Беда, но откуда? Бурьяном зарастают усадьбы,
Окурок бросил, и строение превратилось в дым,
А на улицах нынче только собачьи свадьбы,
Куда жениться-то нынешним молодым.
Хотя некоторые «предпринимательницы» стараются,
Выпуская одного за другим ребятишек в свет,
За материнский капитал надрываются,
Плюют на упрёки и просто на этикет.
Малопьющие парни, те посещают «вахты» –
Далековато будет, но выхода больше нет,
Да они едут-то не просто с бухты-барахты,
А заодно посмотреть и на белый свет.
Жизнь дорожает от соли и до бензина,
И, кажется, выхода вроде нет,
Но у каждого во дворе есть машина,
Не «бэха», конечно, но этакий драндулет,
Всё равно с шиком чадя и гремя невозможно,
Старухи вздыхают, управы на «бесов» нет,
И крестятся осторожно,
Проклиная судьбу, что дожили до этих лет.
Можно добавить, что всё-таки жизнь идёт:
Режут скот и спиртом торгуют бодяжным,
А в остальном деревенский простой народ
Оборону держит пока отважно.

Стих 62

«Русский марш», а чем же он плох,
Но при чём здесь шинели со свастикой,
Нас пытались стереть, как ластиком,
И ударом свалить под вздох.
Есть «фашисты», и «антифа» есть –
Власть боится любого шествия.

«Русский марш» – он уже здесь
И пока не похож на бедствие.
В Самаре задержали гражданку Великобритании
За расклейку антифашистских листовок.
Хоть эта «союзница» обратила внимание
На бесполезность официальных тусовок.
Многие ратуют за отмену статьи 282-й
(разжигание межнациональной розни),
Одну отменят – повод найдут другой,
Да и мало ли в запасе неофициальных козней?
На станции «Достоевская»
(наверное, в честь Анны Григорьевны)
Тусовались молодчики с обеих сторон,
Знал бы Фёдор Михайлович, что быть такой истории,
Ни за что не дал бы жене своей фамилии он.
Говорят, даже на рельсы сбросили гражданина,
Но для полиции это не причина:
«Проводится проверка, – заявил представитель
Главка, – возможно, обыкновенная давка
И вообще утка или невинная шутка».
Вот что значит, удачно маршировали
В День освобождения Москвы от поляков…
Это вам, господин Леонтьев, отнюдь не «Однако»…

Стих 63
7 НОЯБРЯ

Далеко ли город ушёл от деревни?
Вопросом этим задаюсь не первый
И начинаю понимать вдруг,
Что деревень всё меньше вокруг,
Верней, это не деревни уже, а поселения
С небольшим количеством населения,
С небольшими школами и детсадами
И колонками водопроводными,
И китайскими сапогами,
Правда, отсутствие светофоров
Даёт понять, что это не город,

И лифтов в домах
(одноэтажкам они зачем?),
А вот красавицы в теремах,
Там и здесь нужны всем.
Горожане – это бывшие сельские жители
В кирпично-бетонных обителях.
И вряд ли успели сменить психологию,
Везде одинаковую, везде убогую.
Матросы из крестьян были революционнее даже,
Но самой революционной была интеллигенция,
Она-то и распропагандировала интервенцию.
И всё-таки у сельчан своё хозяйство,
А у горожан своего хватает зазнайства,
И много пролетариев упёртых весьма:
«Мир хижинам – война дворцам».
А то ещё лозунг: «Кто был никем…» –
Хотя он вряд ли «всем» станет
И новую власть, как Ильич, обманет!
Новая революция – это не шуточки,
И её не расшевелить прибауточками,
Вот и давят апологетов «суточками»…

Стих 64

Майор Евсюков стрелял внутри «Гастронома»,
А господин Сердюков смотрел телевизор дома
У своей знакомой с шести утра,
А здесь «следаки» и уходить пора.
Ох, эти дамы, каких только сердюков
Не встречали они, но этот –
Всем сердюкам – сердюк,
Ему бы к костюмчику эполеты…
Всё-таки в богатенькой коротал ночь квартире,
Наверное, Зубковы его заложили.
А дальше пошла склока прямо,
Только министр не виноват ни грамма,
Теперь придётся снимать вериги,
Ясное дело – интриги.

Вот этак-то и попадают в расстриги.
Ночуй дома (история до боли знакома),
Кому пора к жене в койку,
А кому: «Да здравствует Сергей Шойгу!»

Стих 65

Мужик выпал во Владивостоке,
Не откуда-нибудь, а с 20 этажа,
Покурить захотелось, но перекур
Вышел чересчур жестоким…
Полагаю, не пел, словно Радж Капур,
За полётом наблюдали чайки и сороки,
Но всё-таки есть люди сердобольные,
Под окнами внедорожник оставил кто-то,
На него и приземлился наш «летун»,
Вот была нужда, а верней, охота,
Чтобы на машину залетел кто-то,
Вернее, этакий «колун».
И хотя мужик весьма поломался,
Но жив остался,
А у «джипа» накрылся кузов
При встрече с таким непредсказуемым грузом!

Стих 66

Тяжело пьяный пожилой человек
Бредёт по неузнаваемому им городу,
Он шарахается неожиданно от всех
И плюёт неловко через всклокоченную бороду.
Он не просто пьян, он смертельно устал,
И, возможно, у него нет своего дома,
И удивительно неприятен его оскал,
Впрочем, такая фигура вам знакома.
Может, это такой же бомж,
Каким вы детишек своих пугаете?
Такого же вида и запашок тож,
Вы других-то хорошо знаете?
А если это всё спрятано внутри у них

И в глаза не так бросается сразу,
А возможно, и у тех по фазе сдвиг
И тоже неизлечимая зараза?
И вообще, частенько язвы у нас
Не только снаружи, но и в душе гнездятся,
И не сразу прохожим колет глаз
Такая колючка из неведомой плантации.

Стих 67
Из рассказов бывалого человека

О голубых

Тем, кто намекает, что он «голубой»,
Я не советую оказаться на киче,
Он там запоёт, как поёт гобой,
Когда он не поёт, а хнычет.
Я видел «обиженных», живущих под шконкой
На тяжёлом и отсыревшем матрасе,
А не хвастающих перед своей девчонкой,
Какой он оригинальный, когда он в трансе.
А ещё я их у параши видел
И запинаных, если скрывали свой «цвет»,
И никто не говорил, что он «голубого» обидел,
Для окружающих такого человека нет.
И когда я смотрю на толпы гейпарадные,
На их кривляние, ссылки на гены…
Я не знаю, сердиться или радоваться,
Когда этим кричат: «На продол, пипильфены!»

В транзитке

В «транзитке» красноярской тюрьмы
Окно забито железным листом
С отверстиями, просверленными в нём
Отнюдь небольшим сверлом,
И солнце на закате струится в «транзитку»,
Сочась лучами через лист прибитый,
И это почти тюрьмы визитка,

Напоминающая электрическую плитку
Своим необычным светом,
Почти одинаковым зимой и летом,
С одинаковыми для всех закатами
Закатанным сюда ребятам:
Мужиками, «чертями», шпаной плюс «голубой»,
Который живёт под «шконкой»,
Ожидая своей участи неминучей
В камере, с атмосферой для него гремучей.
Из «транзитки» путь «на криминал»,
Где в подвалах угрюмой тюрьмы
Доктор, может, один из самых справедливых людей,
Выковыривает из щелей
Нашего воспалённого сознания
Действительные признания,
С учётом психического состояния.
Он провоцирует пациентов своих:
Сутенёров, убийц, насильников и других –
На достоверные показания
И выдаёт для суда заключение –
Симулянт это или человек с отклонениями…
А после – опять «транзитка»
И забитое железным листом окно,
На закате пропускающее солнечные лучи
Порциями, и начинаешь понимать
Квантово-волновую природу света…
Хвала устроителям тюремного быта за это.

ПРЕСС-ХАТА

В Интернете подробно поясняют
О специфике «пресс-хаты»:
Неприятные там сидят ребята,
С желанием настучать «пассажиру» по рылу,
Чтобы показывал, как «следаку» надо,
А не как на самом деле было.
Да какая это «пресс-хата»?!
Возьмут камеру 2-6 или 3-0,

Обычная «осуждёнка»,
Не опаснее, чем детсад для ребёнка,
И «подморозят» её на недельку, другую:
Ни дачек-передачек, курева – ни в какую.
Осужденные злеют, а смотрящий работает
На опера на продоле,
И «шестёрки» частенько торчат в коридоре,
Якобы с адвокатом обсуждают «делюгу»,
Ну, ясно, что не с Бахом сочиняют фугу,
Туда садят того, кто пошёл «в несознанку»,
И там его выворачивают наизнанку,
Могут в кровь избить, могут опустить.
На то и «шестёрки», чтобы выбивать «признание»
У того, кому уготовано наказание,
Чтобы для повышения раскрываемости процента
Взял на себя вину другого «клиента».
Нескончаемые аплодисменты!
Не все в «осуждёнке» – за,
И «мужики» ропщут за глаза,
Тогда «хаты» меняют окрас,
И действующих лиц убирают с глаз…

На криминале

На «криминале» красноярской тюрьмы, в подвале,
«Типажи» проходят судебную экспертизу,
Это всё равно что получить визу
В мир психов, и тогда нет отсидки за преступление,
А есть нудное, но всё же лечение.
В «хате» киллер, которому доктор сказал:
«Ты явно не доживёшь до суда»,
Два старика, которые своих старух порешили,
Чем-то старушки не угодили,
Любитель несовершеннолетних
Покатать на «мерседесе»,
Насилие на него хотят повесить,
И понурый после ночи любви хачик,
Который жениться не захотел,

А потому – сел за вольнодумство такое,
Теперь от доктора не знает покоя,
И ещё цыганёнок, на рынке стянул десятку,
Так его мать на это сделала ставку,
Чтобы сыну выправить справку,
Мол, придурок на все случаи жизни…
И вот братва месяц живёт в изоляции,
Не ведает ни про кризисы, ни про инфляции…
Доктор ведёт наблюдение,
Охранники – охраняют,
Кормят прилично, дают уху из селёдки,
К ней явно не хватает водки.
В душ выводят разок в неделю –
Не житуха – курорт на самом деле.
Но справки о сдвигах дают редко
И опять в «транзитку», за крупную клетку,
И каждый по этапу опять на «кичу»,
Или как её там, тюрьму, кличут…

Стих 68

Ещё стоит в селе контора –
Большой и двухэтажный дом,
И цел погост под косогором,
А многое пошло на слом.
Мы многое спалили сами
По безрассудности своей:
И мастерскую с тракторами,
И ветлечебницу за ней.
Огромный комплекс растащили
Без громких лозунгов, молчком,
Построенный в хрущёвском стиле…
Теперь пустырь за озерком.
Зато как огневые точки,
Бурдой торгующие… «Пли…из!»
Распутные сыны и дочки
Тех, кто радел за коммунизм.

Стих 69

Разве мог я подумать только…
Моему отцу исполнилось бы 100 лет,
Правда, его в живых уже нет,
Я разговариваю с ним ночью.
Даже сержусь на себя бывает,
Чего теперь-то общаться с ним?
Хотя каким он был, я знаю,
Больше по рассказам своих родных.
Тётушка начнёт: «Ты вершок от полу, –
И словно ласково бьёт под дых, –
Дмитрий Харитонович, он такой весёлый…» –
А отец ушёл, и уже не воротишь
Ни самого, ни время послевоенное –
В наличии только из духа и плоти
Существование наше бренное.
Осталось несколько фотографий бледных,
Наградные листы в различных архивах
И наши ночные с отцом беседы,
Где окружающие все ещё живы.

Стих 70
О Моцарте

Вот если бы Моцарт жил в наше время
И жил в России,
Его бы спросили:
«Вы, дорогой, несёте непосильное бремя,
Семья многодетная, положены льготы,
И вам не нужен господин Сальери,
Ни кредиторы – живодёры и живоглоты,
Просто напишите заявление в мэрию.
У вас детишек сколько?
Пятеро и жена – Вебер Констанция…
Вот и дорожка этому Антонио скатертью,
Да хоть до Австрии, прямиком на станцию.
Получите пособие на каждого после второго,
У нас теперь с этим строго,

Хотя по нынешним ценам немного,
Зато не нужно выдумывать «Реквием»
И «Дон Жуана» – такого-сякого.
И хоронили бы вас на деньги страны
На кладбище Новодевичьем
Или даже у Кремлёвской стены,
Честное слово.
Да чего умирать
В тридцать пять?
Живи, дорогой Вольфганг Амадей,
Хоть и австрийских кровей.
Не станет хватать денег на жизнь –
Прижмём олигархов, только держись.
Развивай творчество, влезет сколько,
Не загнись раньше времени только.
И ещё нижайше бы попросили,
Положи музыку на Гимн России,
Устали от сталинских вариаций,
У тебя лучше получится комбинация!

Стих 71

Эта книжечка о чём?
«Посоветуйтесь с врачом».
У меня болит плечо.
«Посоветуйтесь с врачом».
Что-то нынче горячо.
«Посоветуйтесь с врачом».
Это всё-таки о чём?
«Посоветуйтесь с врачом».
Этак мы в коллапс стечём.
«Посоветуйтесь с врачом».

Стих 72

Снега перекись водорода
Обесцветила враз природу
На исходе начала года
И добавила кислорода

В необычно парную воду.
Сгруппировавшаяся вода
Ставит жёсткий барьер у льда.
Но зима – это не слуга,
Но зима – это не беда,
И прозрачных небес слюда
Так и будет синеть всегда,
Пока бусая есть вода,
Пока будет в ней кислород,
Пока будет в ней водород
Или даже – наоборот.
Время года своё возьмёт,
И потрескается слюда,
Обозначатся берега,
И холодною станет вода.
И прибывшее НЛО
Выдаст формулу – АШ два О!

Стих 73
ЗА

У нас был самый Замечательный класс:
Все девчонки у нас только ЗА…

Заремова,	Загтярёва,	Запатьева,
Захипова,	Зарепанова,	Захова,
Задоренко,	Затрова,	Затцына,
Заржавина,	Завенкова,	Запруднова,
Заимова,	Зарбакова,	Зарисенко,

Зарабицына и Зарюкова.
Все мальчишки у нас только ЗА…

Зарусин,	Зайнулин,	Залтышев,
Закин,	Задин,	Заопин,
Залстокожев,	Зарюков,	Зарнов,
Зазловский,	Заагин,	Заргеев,
Завыдов,	Заексеенко,	Застухов,

Захаренко и Заздрюхин.
Даже против кто, тоже ЗА!
Кто пионер – ЗА!

И кто на учёте – ЗА!
И в глаза и за глаза – ЗА!
Кто жив – ЗА!
Кто ушёл навсегда – ЗА!
Фамилии ЗАбываются,
А приставка останется – ЗА…
За подлог, за предлог, за налог и пролог –
Всё ЗА… ЗА… ЗА…
За Азизу – ЗА, за Зару – ЗА,
Даже за Ря-ЗА-нова с его «Лёгким
паром»… – ЗА!

Стих 74

Было время, когда мы не ведали о политиках
И прозорливых критиках.
Мы ходили в школу, тогда ещё строго начальную,
В нас вбивали знания едва ли не буквально:
Мальчишек секли ремнями
И электрическими проводами,
А девчонок – поясками
От маминых крепдешиновых платьев.
И о правах человека не имели мы тогда понятия,
Просто считали, что у взрослых такое занятие,
Нам помогать учиться,
Над задачками до упора биться.
Недавно окончилась большая война,
И у многих в банях она видна
Фиолетовыми рубцами
На телах фронтовиков белых,
Занятых помывочным делом…
Но потом умер товарищ Сталин,
Мы взрослее намного стали
И закончили школу:
Из начальной перейдя в семилетку,
А затем в среднюю № 4.
И учителя, поднимая очи долу,
Вручали нам аттестаты,

И мы вспоминали о другом мире
И о том, что впереди высшее образование,
Как золотое время очередного наказания.
И мы уже задевали наших девочек,
А те грозили нам пальчиками,
И мы находили других стервочек,
А девочки выходили совсем не за мальчиков.
Они за должности выходили,
За места хлебные, за автомобили…
И посверкивали похотливо глазками
Из-за блескучих стёкол тех,
Кого они совсем не любили,
И своих детишек уже не били.

Стих 75

В нашем классе училась Нинель Зоржавина,
Потом она вышла за дантиста,
Так, средней руки зуботехника и морфиниста,
Но сама не стала ни нюхать, ни колоться,
А просто упала на дно колодца.
Падала вниз, а оказалась вверху
И оттуда стала забрасывать письмами
Всех: отца, мать, учителей,
Секретаря-машинистку,
Нас, которые не хотели знать ни ху-ху,
И как бы ни было нам «легко», ни хо-хо.
Конечно, мы не радовались фортелям Зоржавиной,
Писем её не читали, но кое-что понимали,
Правда, не славословили и не славили
Мы девушку по имени Нинель,
Зря она прыгнула к дантисту в постель,
А потом занялась эпистолярным жанром,
Лучше бы вышла за пожарного,
С его несгораемой каланчою,
Глядишь, и песня была б другою
У этой Нинель Зоржавиной,
Похожую на актрису Инну Савину,

А ещё на Зинаиду Кириенко…
И нас не ставила бы зубами к стенке
Или всё к той же стене на коленки
Своими унылыми письмами
С уведомлениями,
Что получили и ждём с нетерпением
Ответов, как соловьи лета!

Стих 76
РОМАН СОЛНЦЕВ

Казанский ли татарин, малиновая рубаха,
Цыганский барон…
В красноярской литературе был незаменим он.
Я послал ему, обмирая от страха,
Стишков тетрадь и стал ждать,
Затаившись, как тать.
Он нашёл меня за синими Саянскими хребтами.
Он писал тогда: «А поеду я в гости
К своей учителке-маме,
Буду ей тетрадки проверять вечерами
И поставлю, покуривая под стенными часами,
Какому-нибудь шалопаю пятёрку в тетрадь…»
Мне казалось, что про меня,
Хотя мать его жила в Казани,
Но тетрадь-то, тетрадь?
Мы встретились впервые в Дивногорске
На литературном семинаре.
Молодой и вихрастый,
Он мне подарил книгу «Необщая тетрадь» –
Чёрная обложка, арабская вязь по-русски.
Сейчас бы сказали – исламизм,
Но тогда все строили коммунизм,
И молились одному Богу – труду.
Красноярская ГЭС гудела в дуду,
Как бетонным ремнём стягивая берега.
Романтики и молодости слуга,
Я встречался с ним частенько потом,

Он уже печатался в «Юности»,
Посвящая стихи Баратынскому и Пушкину,
И возмущался, когда говорили:
«Вы ужасно красиво пишите,
Так задумчиво гаснете…».
А в нём только начинали кипеть страсти,
Впереди была перестройка и Первый съезд,
На котором он был депутатом,
От Красноярского края делегатом.
Он жил там, я здесь, в Хакасии,
Он писал мне письма то из Италии, то из Швейцарии,
Тогда ещё пацану-пролетарию.
По его пьесам ставили фильмы:
«Торможение в небесах».
Мы мечтали о чудесах,
О новых временах, о людях сильных,
Сильнее нас. Но чудес не бывает.
Я и мой сын хоронили его между делом,
Гроб выносили из Дома офицеров,
Хотя Роман Харисович военным не был,
Он был замгубернатора по культуре
И отчаянным по натуре –
Красноярский поэт – Роман Солнцев.
Физик, он знал, что такое стронций,
Про женщин, танцующих вальсы,
И что такое штришок фальши.
Мальчишка ещё по натуре,
Этот зам по культуре.
Похоронен на Бадалыке, на VIP-аллее,
Но писал он гораздо смелее
Многих прошлых и нынешних мэтров:
«Мы лежим, ждём грозы,
Муравьи заспешили заметно,
И вокруг стрекозы
Воздух блещет на три сантиметра…»
Над Красноярском грохочут грозы,
И трещат в Академе морозы,
Но уже без него, друга моего.

Стих 77

На краю осени происходит самое страшное –
Люди перестают понимать друг друга,
Их больше не тянет бродить по лугу,
Занесённому первою зимней солью,
Пропитанному не кровью, но болью.
Люди перестают доверять друг другу,
А в осеннем лесу звучит последняя фуга
Последнего осеннего креста и месяца,
А теперь всё чаще и полумесяца,
На фоне холодного чёрного флага,
Одного из самых опасных фагов…
Осень закончится, но легче не станет,
И… готовь телегу зимой, а летом – сани.
Эти-то сани и оставляют следы
По любому снегу до самой воды.
Алаверды!
Пока вновь не зацветут сады.
А те следы от минувшей зимы
Как продолжение другого романа
Или внеочередного обмана
И очередной беды или бузы…

Стих 78
НЮАНСЫ

△ 1 △

«Багровый оттенок – застывшая кровь.
Алая роза – это любовь…»

«Алая роза – с ядом шипы…
Там, где любовь, – там много беды…»
И много воды и всего-всего много,
Как тяжела созиданья дорога,
А если любови сходят на нет,
Рукою ищешь ты табурет.
«На шее, как цепь, удавка петли…» –
Мгновенье, и ноги не достают до земли,

А если ты даже на каблуках высоких,
Болтаешься, как окорок в мясной лавке,
На этой халявной удавке.
«Вечная мгла, горечь вины…» –
Условия гибели соблюдены,
С цепью на шее неувязка, однако,
Может, повешена была собакой,
И у неё такая убойная ассоциация
И неотразимая комбинация.
А вообще, тон вполне мажорный,
Типа: «А всё пофиг, в рот пароход!»
Даже когда в сердце вонзается жало иглы,
Всё-таки роза – с ядом шипы,
Но шип, скорее всего, небольшой,
Если способ убиения выбран другой.
«В конвульсиях тело – забилось оно…
Алая Роза – всё решено», –
А до этого хрустели ещё позвонки,
Да и вешаться было совсем не с руки,
Но: «Алая роза – всё решено…» –
И в самом деле, не выбрасываться же в окно,
Там прохожие и вселенский скандал,
А здесь по-тихому, чтоб никто не видал.
А милый узнает, всплакнёт ли чудак?
Ну что ему скажешь, коль этак и так
Использован весь джентльменский набор,
Если ещё, то уже перебор.
Алая Роза – признак невроза…
«А роза упала на лапу Азора…» –
Как атрибут небольшого разора.

▵ 2 ▵

«Ты мой героин, подсел – не сорваться.
С химерой Любви желаю расстаться…»

Здесь уже трагедия посмешнее будет,
Без Розы, но с бл...ю, и он не забудет,
Как однажды подсел на любовь такую,

Но к даме такой ревновать – впустую,
У неё это по ходу профессия.
Она этим зарабатывает деньгу,
А ты все: «Как шлюха при «ломке» бегу…»
От всех отрёкся: «Я – порок всех бл...й», –
Смотри, как пафосно и грозно опять,
Ну как такого под себя не подмять?
А ведь он даже принципы: «В рот …»
И никто его за это не наказал,
Кроме тебя, под «Красным фонарём»,
Офонарел, вот и попёр напролом –
Мотыльком устремился к «огоньку»,
Заявить, что: «До безрассудства блудницу люблю…»
Она – героин, он «с химерой любви»
Желает расстаться,
Но «сердце влюбилось в обычную бл...ь…»
А где же её необычную взять?

△ 3 △

«Червонный Туз в колоде карт –
Он всем заправляет.
На поле боя без труда –
Любого побеждает…»

Любого и всегда глагольной рифмой
Он постоянно без усилий побеждает,
Но непонятно, почему дрожит колода
И почему любого в ней он «покоряет с хода…»
Другому до его любви нет вовсе дела,
Его козырная шестёрка бьёт умело,
Но вот в игре попал впросак, как попадают,
Да прямо к Даме Пик, и так… бывает.
«Его бросали к Даме Пик, она его терзала…»
И как собака, его вмиг преображала.
В игре с бомжами где-нибудь у трёх вокзалов
«К ноге!» – сказала Дама Пик, шутом его назвала.
И перлы, перлы, а в конце:
«…его легко сломают.

Сегодня ты вовсю цветёшь, а завтра в позу ставят».
Такое можно написать лишь с опохмела,
С крутого, знаешь, бодуна… Такое дело.

△ 4 △

«Ночное» платье на полу –
Я раздеваю Смерть свою…»

«Касаясь женского лица…»
Ей шепчет нежные слова,
Здесь можно списывать подряд –
Всё к ладу, каждый будет рад.
И так: «Душа дрожит при Ней,
А сердце бьётся всё сильней,
Но это мелочь, ерунда…
Хочу её, хочу всегда».
Остановиться я хочу, подробнее цитируя,
Ну как не подержать свечу
Пленённого стихирою.
«Я холод чувствую внутри,
Любовь с Богиней – впереди».
Какое песнопение,
Подобное творение.
И здесь не нужно больше слов,
Коль автор – знатный острослов.
А вот ещё анализ отравления ядом
Через питие «Мартини», и не иначе,
Женщина, как и положено, рядом,
Но это для жертвы мало что значит.
«Касание Смерти душа ощущает…» –
А тело запах мужского «дерьма» испускает.
Оно и понятно, красивою смерть лишь в кино бывает.
Смерть не спешила его забирать.
«Бурлящая пена идёт изо рта,
Багровая кровь из ушей вытекает»…
И всё это от реакции с желудочным соком,
Не до поэзии здесь высокой,
Но ведь можно отравиться и морковным соком,

Возможно, и дольше тогда умирал
Обидевший женщину, явно шакал,
Если и кал из него вытекал,
И кровью его наполнялись глаза…
А мстительница наблюдала
За вытеканием кала.
У неё мускул не дрогнул
И не блеснула слеза.
Мораль – поэтов обижать нельзя,
Если пожить хотите, друзья,
Или умереть, но без мук,
От любимых рук!

△ 5 △

«Кричат жёстко меж собой:
«Долой Азарт! Азарт долой!»…

Чем больше читаю, тем поражаюсь больше,
Тянет просто переписать,
Вспоминая про некого пана в Польше,
А ещё про кузькину мать.
«Забытый мир – иллюзии игра…» –
Ну, началось лицедейство слов.
«Проходит день, за ним года,
И восстановится покой –
Он смысл, прописанный толпой…»
А дальше готовить читателя надо,
Потому что игра – это не только услада…
«Последний ход и карта бита,
Сукно зелёное в крови...
Четыре масти позабыты,
Престиж закончился игры…»
Так карта бита или лорды
Друг другу поразбили морды?
«Престиж» – считай, авторитет,
И он закончился – «сукно в крови»,
И хоть умри.
А дальше, кажется, отпад,

Но дорогой читатель рад:
«Возврата нет и быть не может,
Азарт характер показал –
Он навсегда во «тьму» уходит…
Закон «животных» не признал…»
Сей креативный идеал,
Хотя кавычки-то зачем?
Добить читателя и с тем:
«Ему по нраву свет неона,
Ему по кайфу власть монет,
Подполье – новое владенье…
Атас! Менты! Гасите свет»…
Вот это правильный подход –
Играешь, значит, ты – урод,
Недаром ангелы – менты,
Архангелами с высоты!

Стих 79

Дожили, на Манежной площади
Полиция гоняет ряженых:
Ленина, Сталина и Николая Второго,
А что в них плохого?
«Вожди» оживляют казённую обстановку,
Не всё терроризировать ракетными установками
И марши устраивать полками
С вымуштрованными стрелками.
А мэтры так и шмыгают у людей под носом,
Норовят с ними фотографироваться.
А налоги кто будет платить, Пушкин,
Или собирать с парадов, на которых пушки?
Вот разогнали неплательщиц в кафе «Подушкин»
У какого-то монастыря,
А здесь что… «Три богатыря»:
Из прошлого – три вождя.
Нет, прицепились полицейские приставучие,
Которые вождей, пожалуй, будут круче,
И трясут с них налоги,

Хотя с «Ильичами» фотографируются немногие.
Упёрлись: «Покупай, «Николашка», патент,
Как нетрудовой элемент…
И вы тоже, «товарищ Сталин»,
И фотографируйтесь затем
С любой из идущих мимо кралек».
А те пусть хвастают фотоснимками потом,
Я, мол, с начальством запанибрата,
Перед самим царём вертела хвостом
И даже с ним ходила куда-то.
И в глухой провинции, разинув рот,
Какой-нибудь дедушка, глядя на фотографию,
Прошамкает: «Совсем обнаглел народ,
Развели там правительственную мафию».
А московские налоговики довольны вполне,
Доходы с «типажей» возросли многократно,
И встретившись с «Лениным» наедине,
Обнимают его и целуют, как брата!

Стих 80

Говорят о планете непуганых секретарей,
Манекенов в костюмах чернил черней,
Только подумать, откуда брали людей,
Чтобы заботиться о каждой – от дамы червей
До благообразных старушек;
Пособие каждой – по кастрюле галушек
И по связке баранок-сушек,
Конечно, не без очередей…
Скажете, так не бывает в жизни –
Что-то одно; либо галушки, либо – сушки,
Либо очередь из секретарей
К одной из бл...й,
Самой фартовой и самой клёвой,
На всё готовой ради славы КПСС,
Ради шмотья дорогого
И ради самой мощной тогда
Красноярской ГЭС!

СТИХ 81
СЛОВО О ЛИХАЧЁВЕ

Слово про Лихачёва.
Снова про Лихачёва?
Он этого заслуживает, честное слово.
Когда-то мы, я и сын, он у меня один,
С академиком Лихачёвым в круизе от Ленинграда
Побывали в Карелии, Ярославле и Плёсе,
Попутно хотели послушать о русском вопросе,
А он держался весьма скромно и просто
И в Кижах, и в Ипатьевском монастыре,
Где Мусин-Пушкин обнаружил рукопись «Слова» –
Предмет исследования самого Лихачёва,
И в Угличе, где царевича вероломно убили,
Впрочем, охи и ахи его не удивили,
И даже в домике Левитана
Не выражал удивления постоянно.
С ним ехали его жена и дочь.
Когда мы выбрались в какое-то дворянское имение,
Он спросил меня под настроение:
«А зачем вы, Алексей, так назвали своего сына,
Ладимиром, нельзя было проще?» –
И я путано объяснял ему в берёзовой роще,
Что это имя пришло ко мне как бы свыше,
Но толково объяснить так и не вышло,
В Кириллово-Белозёрском монастыре
Он рассказывал о русской культуре,
Я был молод тогда и мало чего запомнил в натуре.
А когда мы в Питер вернулись из круиза,
Смешной случай с академиком вышел:
Мой сын, мальчишка пятнадцати лет,
Хотел ему поднести чемодан,
А тот вдруг решил – не дам,
Может, он опасался, как бы эта поклажа
Не превратилась в пропажу?
Дмитрия Сергеевича уже давно нет с нами,
Но, кажется, он смотрит с небес

Такими добрыми и усталыми глазами
И говорит: «Бог с вами!
Любители перестроек и экономических чудес».

Стих 82

Одна бойкая телеведущая,
Беря интервью у известного человека,
Спросила, как замочила:
«Как вы относитесь к хипстерам?»
Тот сначала хотел съехать на другое,
Не представляя, что это такое,
Но та продолжала упорно так наседать:
«И всё же?»
Наверное, он подумал: «Бл...ь,
Съездить бы тебе по роже».
Но вместо этого сказал:
«Ну что же, вы решили подкузьмить меня этим?
А знаете ли вы, что такое революция
На всей планете, перманентная и солидарная?
Вы, политически малограмотная и бездарная!
Да, я брезгую произносить это ваше – хипстер,
Вы знаете, есть у Маршака «Мистер Твистер»,
А у Маяковского – «Мистерия-Буфф»,
Где семь пар чистых
И семь пар нечистых,
Интеллигенты, святые,
Сам Бог Саваоф,
И все ждут, когда же потоп?»
Но телеведущая не сникла
И всё перевела в шутку,
А сама задумалась на минутку,
Решив, нужно перечитать эту «Мистерию-Буфф»,
А ещё сходить на Болотную площадь
На всякий случай и быть проще,
Глядишь, зачтётся,
Когда этот день начнётся!
А вслух сказала:

«Перекуём мечи на орала
И переключимся на темы другого канала».

Стих 83

И вдруг вопрос, а не то крик: «Ты, фрик?!»
Да какой он фрик, почти старик.
Не скажи, и старики тоже могут быть фриками
С недовольными ликами.
Это, знаешь ли, с ба-альшой натяжкой,
К тому же, какой шик,
Носит он смешные подтяжки,
Твой фрик.
И штаны, протёртые на ляжках,
Скажи ему напрямик,
Пусть он даже старик.
Правда, лет сорок назад
Называли его стилягой,
А сейчас впору – бродягой.
И что ему твой бзик,
И что ему фордовский грузовик,
Он вообще к авто не привык.
Когда его окликают: «Фрик!»,
Он злобно оглядывается и шипит: «Фиг…» –
И показывает шиш,
А ты говоришь…

Стих 84

Мальчишки окраин минусинских –
Всех этих Пристанских и Подсинских,
Где до реки подать рукой,
Где холодок хулиганский ночной,
Где вечерней школы девчонки
Нам дороже любой сестрёнки,
Парни: смазчики, токари, слесарюги
И, как их называли, – бандюги,
Проплывавшие мимо бабки,
В очередях – давки,

На ладошке карандашом химическим
Номерок за хлебом – «серым»
И опыт первых опусов поэтических,
И снег, тогда ещё белый,
На окраинных наших улицах…
Партийных сынков холёные лица
И ещё не заевшаяся послевоенная милиция,
Занавески из ситца,
Бумажные чёрные тарелки радио,
Жареную картошку не называли чипсами
И клюквенный морс натуральный,
И не слыхивали про коррупцию,
И не ведали про Навального,
А Каспарова всем заменял Ботвинник,
Позднее – Михаил Таль.
Река убегала вдаль,
Исчезая за поворотом, у деревни Быстрой,
И вода в ней была относительно чистой,
Пионерская идеология,
У моей бабки – простые боги,
Без окладов за многие «тыщи»,
Зря теперь своё детство ищем
В тех исчезнувших Атлантидах,
Их забрали с собой фронтовики-инвалиды,
Постепенно исчезнувшие с улиц детства
На колясках своих деревянных,
Как исчезло и волшебное действо
В драмтеатре с фонарями на сцене,
Имитирующими падающий снег
Во время школьных олимпиад
Много лет, много зим назад.
Так мы и сгрызли наше детство,
Как петушки-леденцы,
Нашу проходящую бедность
Через рвущие душу зубцы
Того времени золотого,
Честное пионерское слово!

Стих 85

Доктор Быков требует у всех
Показать ему свой анус,
И тогда этих всех ждёт успех,
По крайней мере, странно,
Анус болит не у всех,
Но и тем, что есть, живут без помех,
Изредка используя для утех,
Вовсе не по предназначению,
Повинуясь всеобщему увлечению.
Конечно, артист и священник не одно и то же,
Но, говорят, какой-то чин играть разрешил,
Однако священнослужитель всё же…
И к тому же детей четверых – отец,
Лицедей, удалец на худой конец,
И вполне похож на вождя краснокожих.
Тут сказала бы одна Маша: «Пипец,
Как это на Ивана похоже,
Вот его бы к нам в Думу тоже…»

Стих 86
Минусинские стиляги

«Минусинские стиляги» –
Неужели такие были?
А вы забыли?
Вполне справные и доходяги.
И даже пластинки «на рёбрах» были,
Опять забыли? Как пол дробили
В клубах «Водник», «Нефтяник» или «Геолог»,
В парке и драмтеатре, почти как в «Мулен Руж»
Или Монмартре,
А ресторан «Юг» напоминал бар в «Фоли-Бержере»,
Это вам не танцульки в Доме пионеров,
Я ходил туда по абонементу,
Выданному сердобольной Ниной Александровной –
Моей первой учительницей,
Вот и вырастали из пионеров стиляги,

В будущем почти все – работяги:
Кто слесарил, кто пилил,
В вечернюю школу ходил,
Но брюки-дудочки всё же носил,
С мылом натягивал,
Слегка мушкетёр при шляпе и шпаге,
Как электромонтёр Гога,
Задавалистым был немного:
Пиджак в клетку, плечи – во,
А так – ничего. Не хватало нам одного –
Столичного лоска, заграничного, броского,
И элиты настоящей весьма не хватало,
Ошивались у кинотеатра и автовокзала
Дети врачей, прокуроров и учителей,
А ещё были мотогонщики,
Гоняли на «козлах» по песку Лысухи,
И даже охающие старухи,
Бывало, посещали это мероприятие
И победителей заключали в объятия.
Была троица «на колёсах» – на весь город,
На мотороллерах – по двое,
За плечами у каждого, кроме девочки,
Пара крыльев – минусинская эскадрилья.
Так вот и жили наши стиляги,
Прирождённые работяги…
Некоторые умирали глупо и рано,
И скорее всего, от душевных изъянов –
Один от несчастной любви застрелился,
Другой по дурости удавился.
Старики же, выращивая помидоры,
Вспоминали: «Да, да… который
Совсем ещё молодой…»
Теперь у стиляг застой.
Тряпок в магазинах завались,
И, конечно, другая жизнь.
Теперь панки, готы и эмо –
Не чета нашим Саням и Сэмам.

Стих 87

Мне сказал один поживший поэт,
Такой же, как и я, провинциальный:
«Среды не было, а я принципиален,
И вокруг не среда, а сплошной четверг
Или вторники, что одно и то же».
И тем самым он в шок меня поверг.
«Теперь самоосознавайся,
Хоть снисходительно, хоть построже:
Где она, эта среда?
Заняться поисками, но идти куда?» –
Он изрёк и заплакал (кажется, в душе),
Свет погас на всём этаже…
Было за полночь давно, и уже…

Стих 88

Я пытаюсь догнать уходящий поезд,
Подпрыгивая, бегу за последним вагоном,
К написанию стихов весьма склонный,
А ещё к игре на аккордеоне.
Только не знает об этом аккордеон,
Как не подозревает одеколон,
Что им сейчас начнут парфюмериться
Различные сивые и не сивые мерины,
А у женщин начнётся истерика,
Потому что всю жидкость выпили,
Ту, что на себя они не вылили.
Это были духи, и духи дорогущие,
К нам из самой Франции прущие.
Что поделать, если мужчины пьющие:
Со спины – ничего,
А спереди – алкаши,
Хоть свет во всём городе потуши,
Ощупью найдём, чего надо,
Во время дождя или снегопада,
Даже во время землетрясения

Или солнечного затмения…
Вот такое у нас везение.

Стих 89

Мне обидно, живу в Хакасии,
Но не хакас и не еврей.
Хотя здесь не Израиль, скорей,
Место, где прежде молоко квасили
И молились на каменных идолов,
И даже татаро-монголу говорили:
Иди, мол, откуда пришёл…
Этот самый татаро-монгол.
А ещё хорошо, когда «голубой»
В современной тусовке поощряется, и весьма,
Только здесь тебе не тюрьма.
Это там подметили:
«Хорошо жить, как в зоне пи...су…»
Правда, от желающих не будет спасу –
Очередь, а уже ничего не боишься.
Ещё священнику жить хорошо,
Рассказываешь честно, куда ни шло,
Истории излагая «Новый Завет»,
А там проверь, было или нет…
Кто теперь прямо-то возразит,
У священника авторитетный вид,
Он слова произносит разные,
И образ жизни его – благообразный.
А если пописывает стихи,
То как будто себе отпускает грехи.
Вот действительно горе мне, горе,
Конечно, можно писать на заборе
И быть анахронизмом живым,
А ещё хорошо быть молодым…

Стих 90
Бычатник и самогон

Есть люди, варят кукурузные початки,
А наши мужики – самогон в «бычатнике».

Водрузили на печь бражки флягу,
Рядом быки на привязях, не ведают про бодягу,
Дядя Саша и дядя Серёжа,
Разновозрастные, а рожами схожи.
У каждого опыт немалый вроде,
Но самогон гнать – не гряды копать в огороде.
Накочегарили печь, разогрели флягу,
Змеевик заклинило, и фукнула брага
Без удержу паром хмельным в потолок,
И по горячей плите он потёк,
Быки, нанюхавшись, осатанели,
Сорвавшись с привязей, разломали перегородки,
Стали вести себя по-скотски.
И это серьёзные производители,
До местных бурёнок ба-альшие любители.
И стерильное помещение осеменяющей станции
Чёрти во что превратили засранцы.
Как они его потом отмывали, сие – неизвестно,
Однако пока быки бушевали,
Отсиживались в подвале
Рядом с сосудами иностранца Дюара,
В которых хранят бычачье семя,
Событие сродни почти с пожаром,
И эти мастера – собачье племя –
Так разволновали бычков забродившим паром,
Что те надолго утратили функции производителей,
Вот вам и коммунизма строители.

Стих 91
ПАМЯТНИК В САМАРЕ

Почему в Самаре, на Комсомольской площади,
Открыли памятник Деточкину Юрию,
Известному борцу с ворьём и коррупцией –
Для нечистых на руку настоящей фурии?
А Деточкин в бронзе – защитник детей,
И с городом ясно, нынешней Самарой,
Просто Рязанов родился в ней,

Как видим теперь, весьма недаром.
Герой – радушно одухотворённый,
Нас приветствуя неизменною шляпою,
И в горожан до сих пор влюблённый,
Правда, стрижен, как и в кино, наголо.
У ног портфель пухлый с бумагами,
Есть где развернуться альтруисту.
Казалось, до победы всего полшага,
А не очень ли мы захотели быстро?

Стих 92
Случай с Петровичем

Винзавод Данилова-спиртовика,
Дореволюционной постройки,
Музейный комплекс, – строился на века,
С нелепой шлакоблочной пристройкой.
В нём выпускали отличную водку,
Которая брала призы на аукционах,
И менеджер по продажам Гунта Заблотская
Была в производство своё влюблённая.
Она мне обещала (судьба по вектору)
На книгу денег, давала слово,
Вот если бы только уломать директора –
Господина Терещенко – барина нового.
Водка почему-то не приносила дохода
(тогда спирт из Осетии тёк рекою)
Или Гунта к директору не имела подхода,
За ней водилось иногда такое.
Время шло, стихи в рукописи перегорели
И уже не казались такими удачными,
Директор заводчиком стал форели,
А наш менеджер – обыкновенной дачницей.
Она красивой была и честной,
Уехала с мужем под Красноярск куда-то
Или подальше – неизвестно,
Стихи же издали другие ребята.
Я потом часто деньги на книги клянчил:

Был такой мэр города родного,
Виктор Петрович – балагур и рассказчик
И честнейший человек – честное слово.
Он говорил: «Подожди, открою
Отделение собственного банка,
А по пути мудака урою –
Он с компанией своей – засранцы.
Заведует в городе «Водоканалом»,
Деньги дерёт с людей шальные
И, понимаешь ли, «чёрным налом»
Проводит в свои закрома тугие».
Я ждал, но так и не дождался,
Потом меня замели по недоразумению…
Он в «ментовку» приезжал, заступался,
Но и от Петровича отвернулось везение:
Мужика он того заказал решительно
Киллеру грохнуть, мол, попил кровушки даром,
А исполнитель грохнул его водителя,
И Петрович тоже загремел на нары.
Опять со спонсором у меня нелады,
Только настроишь унылую скрипку,
Как её заведёт в закоулок судьбы,
А мэтра тем временем обдерут как липку.
Пока литавры не по делу гремели,
Нашёлся с деньгами мужик сочувствующий,
В мою сторону качнулись качели,
Правда, сборник вышел удивительно грустным…

Стих 93
ВСАДНИКИ БЕЗГОЛОВЫЕ

Куда ни пошли бы сегодня мы –
Везде чудится всадник без головы,
Только ездит он по России не на мустанге,
А раскатывает на танке,
В скобках читай (автомобиле),
И, о, Боже, у него нет головы:
Там, на светофоре, троих уложили,

Здесь, на остановке, как семь снопов травы.
Всадник без головы – не имеет он рода,
Влетел на тротуар… и живы не все,
Берегитесь его в любую погоду,
Русские ли, американцы, граждане ли ПАСЕ.
Они любят машиной своей бравировать,
Их коробки не имеют нижних скоростей.
Непонятно, как безголовых на права фотографируют,
Независимо от игры света и теней.
И нет разницы для них – будни или праздники,
Вкусившие зачастую не той халвы
По городам и весям несутся всадники
В автомобилях, многие – без головы!
А эта с головой? В Покровскую больницу
Алкашку с мужем доставили лечиться.
Крепко выпившими оказались обои,
Дебоширили в приёмном покое,
А потом баба, эта «всадница без головы»,
Окурок стрельнула в матрасы больничные,
И запылала кардиология столичная.
Троих пациентов сразу на тот свет
(задохнулись сердешные, ну а пьяни – привет!).
Конечно, припаяют за «непреднамеренное»,
Но пить не могут у нас умеренно,
И роль вытрезвителей играют больницы –
Привозят опохмеляться туда с полицией.

Стих 94
День полиции

В городе тишина и на нуле нарушители,
У беспечных прохожих удивлённые лица,
А у всех остальных – как огнетушители,
Это значит, что День полиции.
Такой день раз в году бывает,
А верней, день отсутствия среди нас полиции.
Даже троллейбусы и трамваи
Не спешат поскорей в депо укрыться.

И слушок идёт в уголовном мире
Или тем просто так думать хочется,
Лучше бы праздников триста шестьдесят четыре,
А один законный для них рабочий!

Стих 95

Собаки у нас – настоящий бич,
Идёшь, мечтаешь, а она затявкает
Из-под ворот, а до этого, как сыч,
Зыркала и молчала… шавка – шавкою.
А то у них ещё мероприятие есть,
Собачьей свадьбою называется:
Бегают, дыбом зубы и шерсть,
На людей – ноль и на клички не откликаются.
Вообще-то, собака человеку – друг,
Горло любому порвать готовый,
Если вздумает хозяйку обидеть вдруг
Или хозяину отпустить нехорошее слово.
Говорят, скоро подскочит на хлеб цена,
А для собак – это главная кормёжка,
Вот и взвоет тогда страна,
Кормить-то надо ещё и кошку.
Хотя некоторые сами едят собак,
Вроде бы лечатся они от болезней…
Тогда этим пожалуйте в руки флаг,
Оно и для минимума прожиточного полезней.
Вот разве что возмущается Брижит Бардо
И говорит: «Что-то здесь не то,
С точки зрения международной конвенции.
Надо бы в России созвать конференцию
По соблюдению прав собак,
Тогда всё будет оченно даже так,
И мы с моим другом Депардье Жераром
Россиян поздравим… да хоть с лёгким паром!»

Стих 96

На двадцатом году нашей новейшей власти
Вологжане в Госдуму внесли на своих руках

Проект «Об отправлении естественных надобностей
В подъездах и других общественных местах».
Вполне справедливо, а то без разбора гадят,
И не только собаки, но и люди, где захотят;
Во дворах городских, одной и большой ограде,
За себя и за папу с мамой, и за своих котят.
Вот в Китае боролись перед Олимпиадой
С привычкой плеваться не разбирая где,
Так это в Китае, а нам-то надо
Себя добровольно в железной держать узде.
Ладно, тогда возьмём в Сингапуре:
До 400 долларов за посик,
И это цветочки ещё, говоря в натуре,
В Сингапуре – правильно, а нам это пофиг.
Да хоть раззвоните на весь белый свет,
А я, в столовке объевшись борщом,
Захотел «по нужде», а туалета нет
И не предвидится в городе лет 20 ещё.
То ли дело в деревне – вокруг природа,
Приспичило, и ступайте себе в кусты
Хоть ночью, хоть днём – в любое время года
Оправляйся без страха, что засекут «менты».
Так нет же, вологодские депутаты
Теперь настрочили людоедский закон.
Вот, кажется, у любого ума – палата,
А не угадали, чего из нас просится вон!
И если просится, то терпенья нету.
Естественная надобность, недаром же говорят,
Так нет, и эту подвергают запрету,
От скуки, что ли, строчат и строчат…

Стих 97

Сгорели сороковые годы
Жизни непутёвой моей.
Прошли золотые, а может статься, уроды,
По накатанной для всех колее.
Страну трясло – я жил понемногу,

Надеясь отсидеться в норке своей.
Вроде бы и с кистенем не ходил на дорогу,
А урезал себе немало спокойных дней.
Теперь уже сыну моему за сорок,
Жизнь поменялась, и вроде хватает всего,
А в атмосфере по-прежнему тот же морок,
Шизофрения в воздухе или навроде того.

Стих 98

Я мальчишечка, лет пяти,
Мне до школы ещё расти,
В Пристанской я хожу детсад,
Где портреты вождей висят.
Этот садик для капитанских ребят,
Ну, и нас остальных набирается тоже ряд.
Каждый рад и не очень,
Но шагаем и песни поём,
Славословим вождей
И, конечно, родной водоём,
Что родителям нашим работу даёт.
Я – почти сирота,
И мать моя в сталинских лагерях,
Но об этом и взрослые вслух не говорят.
На душе у меня пустота,
Когда заводят речь про отца,
Но его уже нет, и, возможно, виновна мать,
Только где мне других-то родителей взять?
Я упрямо молчу и вождю дорогому шепчу:
«Товарищ Сталин, отпустите мою маму», –
Шепчу ежедневно, шепчу упрямо…
Умирает народов Отец,
Возвращается мать наконец.
Но я от неё совсем отвык
И как назло проглотил язык.
И теперь вспоминая про детский сад
И про школу, и наш пионерский отряд,
О задорной песенке про цыплят…

И мне слышится другая, гортанная, речь
И то, чем можно теперь пренебречь.
Всего каким-то отрезком
Детсадовским – года четыре.
Я живу теперь в другом мире,
А у того… частенько под закрытою дверью стою
И про себя песенку о цыплятах пою,
А про товарища Сталина не пою,
И про маму свою – не пою,
Я их плохо знаю
И, возможно, что не понимаю.

Стих 99

Под окнами автомобили
Выворачивают нутро себе и мне…
Ну себе-то ладно, меня за что невзлюбили
И почти размазали изнутри по стене?
Они рычат, фырчат – оглушающая музыкалка,
Лезут друг на друга и на прохожих.
Им на всех начхать и никого не жалко.
И вообще, они на монстров слегка похожи.
Авто же думают про пешеходов:
«И чего они крутятся под колёсами,
Ведь есть же подземные переходы,
Метро существует, и никаких вопросов…
Так нет же, а то взяли моду
На остановках кучковаться,
«Скотовозам» в угоду.
Ох, держите нас, братцы!
Но и мы друг друга ничуть не жалеем,
Разлетаемся частями – грудами металла,
Становясь всё злее и злее,
Но даже этого нам сегодня мало.
Вот дали бы нам окончательно волю,
А то живём как при крепостном праве,
И чтоб гаишников взять нам в долю,
Тогда поговорим о подвигах и славе…»

Стих 100

Не знаю, во сколько позвонить сыну:
Суббота, полпервого – он ещё спит.
Утром проводил сына в школу,
Прилёг: «Устал», – говорит.
Вечером опять прикорнул на минутку
Отдохнуть, хотя уже скоро шесть.
Я озадачен весьма не на шутку,
Есть ли совесть? А совесть есть.
Просто по будням он работает много,
Встаёт рано, а вечером снова пробки.
Это сколько же занимает дорога,
Пока в Академ доберёшься до тропки,
Что ведёт от остановки через соснячок к дому,
А ещё сынишку встречать из бассейна
По три раза в неделю,
А то у тёщи перегорели пробки…
Ладно, скажете, мели, Емеля…
Да мне что, я могу и перезвонить,
И его могу попросить
То на ярмарке книг прикупить,
То лекарств, то ещё нужда какая.
Вот заосенело, красота в лесу,
В «академовской» берёзовой роще
Листья прямо светятся на весу,
А сын устал, но пока не ропщет,
Только вздыхает в сотовый телефон
И во всём со мной соглашается он,
Знает, что у отца сердце на всё отзывается
И расстраивать его не полагается.

Стих 101

Говорят, Москва и Сибирь –
Это как разные государства,
Не знаю, я в Москве давно уже не был,
Но судя по всему, одинаково небо,

Хотя у нас осадки не разгоняют самолётами,
Зато «прилуняются» на вертолётах
И разбиваются, когда охотятся,
А в Москве – когда устраивают авиапарады.
Оно им надо?
Не так у нас много пилотов,
Чтобы ими разбрасываться
И на облака набрасываться.
Но всё-таки авиашоу:
«Стрижи» и «Витязи» по небу вжик-вжик,
А зарплата – пшик.
Генералы потратили их зарплаты,
Чьи любовницы бриллианты зашили в халаты,
Ходят как царицы средневековые
И даже квартиры имеют новые
В различных «Пионерских» проулках,
Так ближе к центру совершать прогулки.
Впрочем, раскатывают на «мерседесах»
И генеральские дамы, и дети-повесы.
Нет, мы всё-таки отличаемся от районов Москвы:
У нас на одном квадратном метре
Начальства меньше, а у них – как плотвы
В хорошей реке при погоде безветренной.

Стих 102

Медленно, очень медленно умирает день,
Ещё медленней нарождается вечер.
Даже за временем следить становится лень,
Только оно всё сильнее давит на плечи,
Словно напоминает о себе:
«Я здесь… и забывать про меня не надо…»
Уже и звёзд появилась взвесь,
И уже упала во тьму ограда.
Как медленно умирал день,
Ещё медленней умирал вечер,
Прямо какой-то антиэкстрим.
Уже у месяца рога набекрень,

И безвременье это сравнить не с чем,
Разве с Запорожской Сечью,
Да и то, когда там пьяно всё в дым.

Стих 103
КАЗУСЫ РР

Δ 1 Δ

Пять с половиной «лимонов»
Потерял владелец китайской вазы.
Он ведь как думал, зараза,
Когда из вазы строил лампу настольную,
Причём отнюдь не подпольно
(он был законным её владельцем,
этаким специфическим умельцем),
А потом потащил лампу на аукцион
В какой-то выставочный павильон.
И тут ему глаза открыли эксперты
Путём бесхитростного трансферта –
Переноса знаний о вазе 15 века
Из своих голов в голову этого человека,
Что если бы он поменьше проявлял инициативы,
То все его миллионы были бы живы,
А так получи всего тысяч девятьсот
Да уплати налоги,
Вот вам и готов анекдот
Про дурные ноги (извините, руки)…
Какие же он испытал муки
После общения с тружениками науки.

Δ 2 Δ

В Тюмени тридцатиоднолетний мужик
Застрял, убегая от своей любимой.
Он в мусоропровод – вжик,
Называется, поиграл в прятки.
Но у мусоропровода есть свои недостатки,
Он мусор иногда спускает вниз.

Вот и сейчас эти мусорные мозги понеслись,
Куда и положено, вместе с изобретателем.
Да хорошо хоть застрял он.
Жильцы слышат, раздаётся стон,
Заглядывают в мусоропровод
И понимают, что это не сон.
Пришлось вызывать МЧС при помощи СМС
И скорую помощь спасателям в помощь.
Те мужика вырезали вместе с куском трубы
(частью его пути).
Однако скорая не понадобилась «пилоту»,
Он на следующий день пошёл на работу,
Объясняя царапины на лице, мол, кошка
Перестаралась немножко,
А синяк на лбу – не уступил дорогу столбу,
А не своим с мусоропроводом рандеву.

△ 3 △

Танцовщицы знаменитого парижского кабаре
«Грацу Норзе» возмущены до предела –
Им платят мизер, по беспределу.
Вроде бы не ходят налево
И раздеваются чуть ли не донага аккуратно,
А всего 2000 евро в месяц оплата.
Хотя в других заведениях их обнажённые
«сёстры»
Получают чуть ли не в разы просто.
Тоже мне волшебники – Калиостро.
Вот и пригрозили хозяевам:
– Больше раздеваться на сцене не будем,
Мы не просто вихляющиеся люди,
Не обыкновенные стриптизёрши,
А примерно это как среди авто – «порше»…
И не раздевались дня два,
Но своё получили сполна… едва
(всего на 15 % прибавка).
Для начала и это – затравка.

▵ 4 ▵

Ну чем вам не казус, заменит два – сразу:
Один деревенский вахлак
Забыл в метро пакет с паспортом и курткой.
Молодой человек был на голову не дурак
И решил поступить именно так,
Чтобы вещи не умыкнули его,
Позвонил в полицию, только и всего:
– Господа полицейские, сказать стрёмно,
Но на станции «Кожуховская» заложена бомба…
Станцию прочесали и пакет с паспортом забрали,
А владельцу предоставлена была возможность
За такую шутливую неосторожность
Либо три года отсидки, либо с баланса шутника
200 000 тысяч рублей скидки
По статье про сообщение о терроризме,
Да ещё заведомо ложном…
Надо проблемы свои решать по возможности осторожно.

▵ 5 ▵

Это надо же напиться так,
Что утром житель, он же водитель,
Заявил об угоне любимой «Лады»…
Вот же мазохисты-садо, действовали из засады.
Но в полиции уже знали подобные штучки,
Особливо после получки,
И направили запрос в ГАИ –
Стала ясна картина:
Этот поддатый мужчина
В обед не смог объехать трамвай,
Алкоголь у него в желудке
Превысил норму, да не на шутку,
И вместо прав он предъявил инспектору пульт
Управления автомагнитолой,
Да и вообще не был знаком с автошколой.
Потом этот пьяный мертвецки

Сбежал с места столкновения по-молодецки,
А очнулся утром у женщины посторонней, ведь
Она решила его пожалеть,
Подумав, что ограбили бедолагу.
Тот пришёл в себя и дал тягу,
Да ещё имел наглость в органы заявить
О машине, которую якобы украли.
Вот и мы про этот казус узнали.

△ 6 △

Американка Алисия Ричман
Сдала в пользу больных и сирот
395 литров грудного молока
От своих щедрот.
28-летняя жительница Техаса
Наполнила молоком один галлон,
И это надо же такую массу –
Не какой-нибудь там бидон.
Вот это я понимаю – сердобольная мама,
Поделилась с теми, кому нужней.
Поклониться в пояс хочется прямо
За всех подкормленных ею детей!

Стих 104
О ПАРТИЯХ

– Даёшь партию «Стучим ложками!»
И цель нашей партии – «Всерьёз требуем!»
Будем проникать в выборные органы.
– А в губернаторы?
– Пока нет – сил нет.
– А в ГосДуму (Верховный Совет)?
– Человека два, извините, болит голова.
– А не конкурируете ли вы с КПРФ?
– Да, да, ура! Даёшь половину «красных» членов
В нашу партию. Физкультпривет, а то коммуняки
Совсем рассуропились. Слабо за права народные бороться…
– А у «Единой России»?

– Диктат.
– Но вы не совсем оппозиция?
– Нет, нет. У нас государственная позиция,
И против власти мы не поднимем хвост,
А кто поднимает – тот прохвост.
Главное, опять же школьная форма…
И взрослые одеваются как попало…
– Не в полосатую?
– Нет, нет, а то, знаете ли, трусы, шорты..
И никакого пожизненного срока –
Десять лет!
– Без права переписки?
– Без списывания, и ещё замечу,
Пора одинаково одевать чиновников.
– И каждому по «мерседесу», как бы завеса?
– Нет, нет. Никакого коммунизма,
Никакого импрессионизма… защищает стены
От сырости, а нас от ревматизма…
– Ладно, отвлеклись, а всё-таки с дресс-кодом как?
– Госзаказ, заодно и фабрики наши спасём как раз.
Утрём нос ВТО.
– Чего-то не то. Значит, партия «Стучим ложками»?
– Да, понемножку.
– И ещё на дорожку – значит, вы за КПРФ?
– Да!
– И за «Единую Россию»?
– Да!
– Так, может, вы и за либералов?
– Да! – (в сторону: «Какая-то ерунда, что это я говорю,
на воре шапкой горю. Сейчас этого интервьюера убью,
чтоб не сбивал с толку
старого партийного волка)… – Адью!

Стих 105
ТЁТЯ ДУСЯ

Тётя Дуся пришла в чужую семью,
С дочкой пришла, с Галиной,

Словно бы села перед соседками на скамью
Подсудимой – точно и едва ли любимой…
Тётя Дуся обстирывала семейку чужую,
Её уважали и не посылали, откуда не дует.
На верёвках соседских всегда висело бельё,
Случалось, и облака болтались, пришпиленные
Прищепками на верёвках её,
А случалось, и черти из самого пекла.
Такая она была, тётя Дуся…
В то время даже не слышали о «Занусси»,
Хотя итальянская фирма с 1916 года,
Бренд недоступный для простого народа,
Тем более для тёти Дуси.
Состарилась над корытами и умерла,
Не подозревая о технике встроенных кухонь.
В последнее время у неё плохо было со слухом,
Да ещё попивала, какая уж там «Занусси»,
Когда на бухло, бывало, пенсии не хватало.
А дочь родная, Галина, отрезанный ломоть,
Точней, лучшая половина жизни тёткиной,
И той похлебать пришлось мурцовки,
А не только водки…

Стих 106

Мне не даёт покоя память 37 года,
Хотя я родился на десять лет позже,
Это была такая ловушка для народа
Или, как говорят: «Для быдла – вожжи», –
Мол, народ нужно держать в узде
Всегда и везде.
Если бы я воочию не видел эти подвалы
(хотя многим бы посмотреть не мешало),
Казематы, а в нескольких шагах от тюрьмы
Начинался сосновый бор…
Тишина, запах мха и смолы,
А подо мхами лежат они,
Жертвы того проклятущего года –

Пугала для народа,
А люд тот и сейчас смотрит пустыми глазницами
В темноту, в свою и нашу вселенскую черноту.
Смотрит, словно бойницами.
Но их погасший когда-то взор
Пробирает мурашками до сих пор,
И до сих пор подземные переходы тюрьмы
Как тоннели на тот свет,
По которым люди уходили туда,
Были… и нет. Исчезали совсем без труда.

Стих 107
ОБРАТНАЯ СТОРОНА

△ 1 △

Обратная сторона страны,
Как обратная сторона Луны,
Она не видна вблизи,
Она не видна вдали,
Ей другие черты даны
Под вибрирующий звук струны.
Только мы сейчас не одни,
Даже на обратной стороне Луны,
Даже на оборотной стороне страны.
Ты себя для меня сними
На айфон глубины, на смартфон длины
Или простым фотоаппаратом,
Предыдущим он приходится братом
И стоит у противоположной стены
На замысловатой треноге,
Похожей на журавлиные ноги.
Мы живём на обратной стороне войны,
Где и враги, и друзья умерщвлены,
Остались одни лгуны.

△ 2 △

Мы живём на оборотной стороне мира,
Здесь расположены наши квартиры.

С нами соседствуют все задиры,
Их командиры и их кумиры.
Здесь скопились все объедки пира,
Здесь остатки спортивного тира
И неспортивного поведения,
И нашего с тобой невезения.
Нашей лени и наших сомнений,
Приручённых животных и растений
На оборотной стороне мира,
Где случаются и вампиры,
Где презренные наши кумиры.
И уже ничего не осталось от пира
Старика Вальтасара –
Гражданской войны комиссара.

△ 3 △

Нам известны оборотные стороны медалей –
Все эти реверсы и аверсы.
Мы постоянно скользим по траверсу,
Рискуя сорваться и оказаться
Вместо аверса на реверсе,
И там распластаться… на решке,
Какие тут могут быть усмешки
Над нашим растерянным существованием,
Нашими знаниями и незнаниями.
Будем строить жизнь новую,
Ту, что видна на траверзе,
Как наши голодовки и трапезы,
Как достижения наши… рублёвые.

Стих 108

Вот женщины, живут одна с другой,
Смонтированы, как в мастерской оригами,
А вот мужики с потными ногами,
С щетиной недельной давности – «бородой»,
Жилистые их тела привлекают друг друга,
Очертив круг, не выходить из круга

Вчерашних щей, колбасы и лука,
И с вечным этим: «Сам ты сука,
Мой дорогой ковбой. Вот журнальчик «Плейбой».
Ну и хрен с тобой…» – Перессорились голубки,
Не подают друг другу руки.
Потом «дорогой» изменил с другим…
Гнать пургу или не гнать пурги,
Мириться или не мириться? –
На грани заявления в полицию
Об изнасиловании «подруги»
Другим другом – словно дети.
Довольно-таки смешной случай.
«И прошу, больше меня не мучай,
А то уйду к Пете…»

Стих 109

Мне всё время не даёт покоя
Воспоминание из жизни прошлой,
Время было глухое, истории пошлой…
Я зашёл в редакцию одной из газет,
Не был там полтора десятка лет,
Навстречу он, как посланец
Одной из неизвестных планет.
Мне говорят: «Он когда-то был с тобой
На короткой ноге». Но я смотрел на него,
Как сквозь толщу воды, он совсем другой!
Я не мог припомнить: где наш звездолёт
И какое у нас было задание?
Может, долететь до иной звезды,
И отложили полёт?
А я должен был пройти через чистилище
Времени Хиеронимуса Босха,
Проплыть на «Корабле дураков»
Через так называемое узилище…
Никакого внешнего лоска,
Никаких кучевых облаков –
Фантасмагория на уровне аллегории…

Вот такая вышла история
С моим то ли другом, то ли недругом
Из прошлой жизни. Он молчал
И отвечал односложно.
Был явно весьма встревожен.

Стих 110
КЛЕВЦОВЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Жил человек по фамилии Клевцов,
У него было грубоватое лицо,
Хотя это не то словцо, но лицо-то, лицо…
Хамоватое лицо имел этот Клевцов.
И у его жены – Клевцовой
Такое же, честное слово,
И у их ребёнка, похожего на цыганёнка,
Хотя он был Клевцов тоже
И на отца весьма похожий,
Впрочем, отец не обращал на это внимание,
Ну, бегает и пусть бегает на расстоянии,
Лишь бы не мешал слушать радио,
Читать газеты и смотреть телевизор…
А Клевцов-младший мешал,
Маленький, а уже нахал.
И Клевцов заинтересовался происхождением сына,
Начитался дубина и заявил жене:
«Никак, голуба, ты изменяла мне
Или дома, или на целине,
Когда поднимала её с каким-то чином…» –
Она досталась мужу «не девчонкой»,
Хотя по возрасту чуть ли не ребёнком.
И Клевцов стерпел, потому что очень хотел
Удовлетворять свои похотливые страсти,
Да так, чтобы впросак не попасть,
Вот и женился на будущей Клевцовой,
А теперь обжился на всём готовом,
Даже с сыном не пришлось «трудиться».

И когда тот родился, решил, пригодится.
А теперь вот этакие фортели,
Да благо бы всё началось у купели,
А то выжидал столько лет,
Не его, видите ли, «пистолет»…
Клевцова ошарашилась, но смолчала,
Ей теперь поздно начинать сначала,
И она, зайдя в туалет,
На водосточной трубе «потушила свет».
Некому теперь Клевцовым пожарить котлет.
И мальчишка вдруг стал ничей,
Хотя не хуже других детей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

После того, как мадам Клевцова
Стала учредительницей беспредела такого,
Сам господин Клевцов к житейскому перевороту
Весьма не готов и растерялся шибко,
Открывая окно, чуть не выбил шипку
(у них ещё не было окон евро),
И всё из-за этой стервы,
Неэкономной хозяйка была,
Хотя вот выродка на-бла-бла…
Ну и дела, но жить-то по-любому надо,
Тем более мужик любил услады
И выписал себе бабу из Петрограда,
Не рассчитал, что могла быть с генами
террористки,
И она-то не позволит уронить себя низко
И по такому ничтожному случаю
На водопроводной трубе мучиться,
А с младшим Клевцовым они сдружились
И на старшего вдвоём ополчились.
Стали его допекать поочерёдно,
Насколько это было возможно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

А дело в том, что пасынок стал получать двойки,
Мачеха же перестала пускать муженька в койку
И стала подначивать к нехорошему малолетку,
То есть – как посадить отца в клетку,
А другим горе-воспитателям в назидание
Написать заяву, дескать, применял наказания,
И даже дело доходило до синяков,
А мачеха поддакивала, без дураков,
И такая осада велась около года,
Пока не сделали из мужика урода,
Допекли до настоящей психушки,
Мачехе досталась квартира, сынку – свобода…
Только на этом не закончились наши частушки.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Как младший Клевцов распорядился своей свободой,
Вот уж истина – не зная брода, не лезь в воду,
А сынок нашего психопата неучем был сроду
И, взрослея, тупел год от года,
Стащил магнитофон и попался вскоре,
Музыку включал громко, себе на горе,
В «ментовке» разобрались споро
И на «малолетку» спровадили вора.
Конечно, можно заметить о правах человека,
Но это было в конце прошлого века,
И о правах ведали тогда лишь диссиденты,
И то лишь до определённого момента.
Из колонии вышел не человек, а урка,
И тут же на вокзале украл тужурку.
Вот вам и вся «Мурка» –
Проходной билет в жизнь блатняка,
Надо было действовать наверняка,
К примеру – устроиться на работу,
И не вдыхал бы по карцерам чужую мокроту,
Но работать не хотелось что-то,
Вот и получил по статье УКа.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

После «малолетки» на киче сидеть лафа,
На «мужиков» посматриваешь свысока,
Правда, худой, как доска,
И пока начальная стадия «тубика» (туберкулёза),
Зато настоящая метаморфоза
И превращение в закоренелого «зэка».
С воли «не греют» – это плохо, пока
Не прибьёшься к деловой «семейке»,
И уже «деловым» сидишь на скамейке,
На шпану посматриваешь свысока.
Работа… не убежит в лес,
А ты надолго в эту жизнь влез…
Дальше писать интриги нет,
Всё из-за сродственников кордебалет.
Мачеха сменила седьмого мужа,
Ни придурок Клевцов, ни сынок ей не нужен,
Лишь бы мужик был на ужин,
И после обеда – тоже,
И пред завтраком… ну это кто как сможет,
А тоска гложет. Нет у мачехи идеала,
Да и мужья денег приносят мало,
Впору жизнь начинай сначала,
Или тоже, как и Клевцова, беги в туалет,
Если выхода нет.

Стих 111
ПОЛИЦИЯ И НАРОД

Все галстуки мира,
Все удавки – твои,
И облаков слоистых
Отслаивающиеся слои:
Все эти кумулюс-нимбусы
И альто-стратусы,
То смахивающие на нимбы,
То похожие на страусов.
Какие у облаков всё-таки красивые

Их латинские наименования.
Ещё Паустовский заметил
Их божественное звучание
И латунный, малиновый звон,
Не то что у милиционеров:
Их серые робы шуршат,
Когда они демонстрантов теснят,
И щиты постукивают глухо,
И дубинки летают,
А их владельцы ухают,
Как будто заготавливают дрова:
Раз – два,
Раз – два,
Раз – два…

Стих 112

Жизнь, напоминающая циферблат
Всего, что было и будет с нами,
Где стрелки не идут назад,
А просто наворачивают кругами.
Время неумолимо спешит вперёд:
Не остановиться, не оглянуться.
Конечно, можно написать отчёт,
Расписать розочками по краю блюдца
И золотой каёмочкой окромить
Своё пошловатое творенье,
В конце концов устаёшь жить,
Процесс этот требует терпенья.
И когда вспоминать начинаешь вновь,
Доставая воспоминанья, как морковь из подвала,
Про то, какою была любовь,
Какой была и какою стала.
У девочки тоже усталый вид,
Она хмурится, предчувствуя перемену погоды,
И долго по «сотовому» говорит
С подругой, демонстрируя претензию на свободу.
Ностальгия – главная наша болезнь,

Но часы не имеют обратного хода…
Тебя уже нет, хотя ты ещё здесь
И полагаешь, есть в запасе полгода.

Стих 113
БЛОКАДА

Блокада – это когда замораживают боль,
Новокаином обкалывая, где надо,
А здесь наоборот – поперёк и вдоль
Боль опоясывает, как фронт в блокаду
Город над величавою Невой,
Не менее величественного Ленинграда –
Улово Блока, Гумилёва, Бертгольца юдоль
(какой тогда был жестяной холод, а выстоять надо),
Когда вставали дома на дыбы…
Мы всегда останавливались у знакомой
Старушки, пережившей блокаду.
Рассказывала: когда небо подпирают
Световые столбы
И со смертью в обнимку, а не просто рядом,
Пришла домой, что-то мешается в воротнике,
Посмотрела: «Батюшки, осколок снаряда»…
Родные все в той скорбной строке,
Памяти просто не задёрнуть шторки –
На Пискарёвку с грузом, назад – налегке…
Она до сих пор не выбрасывает корки.
Как говорится, голод костлявой рукой
Добавлял в общий котёл утраты…
Старушка безвольно машет рукой,
Забывая уже имена и даты.
Блокада – это когда блокируют боль,
Обкалывая болящее новокаином,
А эта блокада – на рану соль
И удар исподволь ножом в спину.
Мы любим с сыном тот Ленинград,
Любим искренне и беззаветно.
Теперь не вернуть прежних дней назад:

Сын вырос, и город вырос заметно,
И белые ночи, как птицы, летят
В памяти или как клочки пепла.
И старушка-блокадница умерла давно,
Оставив дочь-художницу грустную,
Одинокую девочку, квартирку в одно окно
И нас, друзей, со смешанными чувствами
Вины перед теми, кто пережил
Нечеловеческие испытания
И после крепился изо всех сил,
Доказывая нужность своего существования.

Стих 114

«Дни, как неправильные глаголы,
Выученные с пятого на десятое…»

М.М.

Большинство пишущих – обычно филологи,
И темы их в основном от литературы;
Цитаты из классиков, рассуждения о Воланде,
Вторично всё и не пишут с натуры,
То начинают рассуждать о глаголах,
О существительных или местоимениях разных,
А то вдруг о теле абсолютно голом –
Ведь оно под рукою и любовь как праздник.
Так и живут в мире несложном:
От бумаги к сексу и обратно к изданиям.
В угаре каком-то, почти невозможном,
Как в жёлтом и специфическом здании.

Стих 115

О.М.

Готовясь чашу до конца испить
Вождю всесильному в угоду,
Решил стихи он посвятить
Уже тридцать седьмого года.

Не помогло, и на восток
В «столыпине» со всеми ехал,
И слава прошлого успеха
Уже была ему не впрок.
«Мы живём, под собою не чуя страны…» –
Перевесили всё, что написано было
До и после – ничто для него не забыто,
Когда люди вокруг были злобы полны.
И крутились вокруг они, словно вьюны,
Ошалевшие, не сознавая стыдобы…
А он ехал, не ощущая страны,
И уже не надеялся, выжить чтобы.

Стих 116

«Политика напоминает производство сосисок,
Если узнаешь, что туда кладут,
Никогда не станешь их есть…»
И как же с политиков сбивать спесь,
Как же делать так, чтобы они были
Белыми и пушистыми,
С помыслами и делами чистыми?
До свидания, детство демократии суверенной,
Будем тебя помнить нощно и денно.
Теперь перестали ей давать
Определения определённо.
И всё законно,
До удивления удивлённо:
Будем следовать законам – законно…
А в природе осень, и пейзаж заоконный
Ежеминутно напоминает об этом,
И то, что давно там уже не лето,
Ещё ни о чём не говорит,
И всё равно в душе ностальгический вид
Золотого лета в золотом свете.
И ни один политик не сможет его омрачить,
Мы всё ещё там, где так хорошо было нам.

Стих 117

Главнокомандующий – Министру обороны,
Как Тарас Бульба – Андрею,
Сказал: «Я тебя породил, и я же убью тебя!»
На что Сердюков пролепетал:
«Я против ничего не имею,
Отец родной, и умру любя…»
Сюжет по Гоголю, но хватит классики,
Может, вспомнить о Скуратове Малюте?
И здесь запахнет не только часиками,
А и более крупными суммами
В иностранной валюте.

Стих 118

Никаких агентов влияния не надо,
Шпионов и диверсантов – тоже;
В Подмосковье строителей бухих бригада,
Полагаю – полуграмотных и с дебильными рожами,
Оборвали кабель космической связи
Стыковки и расстыковки МКС и корабля «Союз»,
Устроив форменное безобразие.
О последствиях я судить не берусь.
Может, из-за этой работы аховой
В районе Щёлковского шоссе
Все наши секретные службы ахнули,
А может, ахнули далеко не все.
Что им спутники «ГЛОНАССа»,
«Фобос-Грунт» и другие из новостной ленты.
В случае чего нам поможет НАСА,
Уж её-то мы не запишем «в иностранные агенты».

Стих 119

У неё в доме живёт мышь
И нет кошки.
Она боится мышей немножко,
Чуть-чуть лишь.

Ты чем за шкафом шуршишь?
Может, Галактику собираешь поутру
В очередную чёрную дыру, мышь?
Нет. Шалишь –
Здесь квартира, а не коллайдер,
И этот шкаф совсем не аутсайдер,
Это почти новый шкаф,
Купленный на распродаже мебели,
Разрекламированный на бумаге «крафт»,
И он совсем не похож на лебедя,
Ему ни летать, ни плыть…
И тебе не надо бы за шкафом чудить,
Простушка мышь,
Мышь-пастушка,
Заканчивай свои божеправедные дела,
Новый мир создавать рано,
И при старом-то мало жила.
Шуршишь, и вибрирует столешница стола,
И вода начинает сочиться из-под крана.

Стих 120

Вероника пишет в ЖКХа:
«У нас подтекает в туалете труба,
И дети отказываются ходить туда,
Трусят слегка».
Из ЖКХа отвечают Веронике: «Терпи,
У нас таких девятиэтажек тридцать три,
И ещё, вы забыли,
Как до 1913 года жили?»
Вероника пишет в ЖКХа:
«У меня муж инвалид,
А в подъезде не работает лифт,
И муж психует… слегка».
В ЖКХа отвечают: «Терпите,
Не нуждаемся в паблисити,
И ещё, вы забыли,
Как до 1913 года жили?

Вероника пишет в ЖКХа:
«Мы собрали здесь подписей тыщу,
И даже в прокуратуру, вас отыщут
И, надеюсь, намнут бока!»
В ЖКХа отвечают: «Терпите,
Мы развиваемся, почти в зените,
И ещё, вы забыли,
Как до 1913 года жили?»
Вероника шокирована слегка…

Стих 121

Читая книгу автора молодого,
Так и хочется спросить про Алексея Максимовича,
Графа Толстого
Или Льва Николаевича Пешкова –
Какие универы заканчивали они,
Хотя Маяковский Казимир Северинович
Вдохновил не одного художника записаться в поэты,
Спасибо им и за это.
На давно обмелевшей реке –
Океанских лайнеров яркие огни.
Молодые полагают – всю жизнь будет лето –
И пока выкарабкиваются кое-как
И ждут, вдруг свыше подадут знак,
И тогда без усилий дорастут до звезд
Платяные шкафы или звёзды спустятся
До уровня занавесок из ситца,
И выйдут из лесов красные лисицы
И улягутся прямо возле софы,
Наподобие тех ничего не говорящих строк,
Которые мешаются между ног
Не одному десятку экстрафутболистов,
Анархистов и прочих – истов.
И будет их напор неистов,
И будет опьяняюще вкусен грог!

Стих 122

Было десятое, сегодня пятнадцатое,
Как убегает время из 2012 года –
Водою сквозь пальцы, как свобода от народа,
Да ему и не нужна свобода,
Нашему народу.
Ему нужны пироги, сапоги на обе ноги,
Он готов сказкам верить любым,
Готов с любым напиться в дым.
Он любит разговоры об этом,
Любит зимою и любит летом.
Худой или толстый, вихрастый и кадыкастый,
Щетинист и выбрит, во хмелю опасный,
Выстраивает предположения,
Часто не имеет своего мнения.
Не любит решительно хлопать дверью,
Любит похвастаться сценой постельной
Со своей бабой и с чужой со смаком,
Любит камнем запустить в собаку,
Живёт не по вере, а суевериями
И мало кому оказывает доверие.
Всё более склонен верить Берии,
Тоскует о порядках при Сталине,
Всё громче хает банкира и барина,
Короче, в голове происходят сдвиги,
Ворочаются в мозгах крутые фиги…
И это не может не беспокоить власть,
Которая привыкла править всласть.
Мутной становится народная масса –
Многие выходцы из рабочего класса.
Беспокойство охватывает изнутри,
И уже косятся на фонари…

Стих 123
А.В.М.

Добрейшей души человек. Бородат –
Мой двоюродный брат.
Мастер по строительству пожарных вышек
И всевозможных железных оград.
Конечно, монтажник из него не вышел,
Но, кажется, он даже рад.
Все вышки, которые он построил,
Рухнули прямо в тот лес,
В котором высились бы до небес,
Протыкая плывущие облака,
Конденсируя влагу на своих боках,
И ещё вытворили бы немало чудес…
А брат уже далеко,
Его с толку сбить нелегко,
Он занимается постройкой ульев
И разведением удоистых пчёл,
Чтобы пчёлы, улетая, назад вернулись,
Каждая – в свой улей-новосёл,
Каждая с золотой крупинкой,
Считай, монеткой…
Полосатые «билайновские» спинки…
И так всё лето, прихватив сентября немножко,
Просверлили в воздухе прямые дорожки
От цветка к цветку
И к своему летку.
У брата в бороде копошатся осы,
К нему у налоговиков оху...е вопросы,
А он и бровью не поведёт,
И ухом не пошевелит.
Его в плен другая идея берёт,
И в глазах уже другой конъюнктивит,
А печень перетрёт любой гепатит,
Хотя ему шестьдесят второй год,
Брату нипочём любой МРОТ,
Когда он посылает всем в рот компот
И подсчитывает вырученные рубли.

Стих 124

«А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом…»
О. Мандельштам

После Пастернака и Мандельштама
Уже нет смысла в написании стихов,
Но мы отщипываем по грамму,
И набираются килограммы,
А то и тонны стихотворных грешков.
Кажется, уже выдохнули все слова,
Спарили, спрессовали, нанизали бусинками
И сверху вниз, и слева направо,
Щетинками самых чувствительных усиков
Все волны приняли, передушили всех Дездемон,
Всех Лорелей заразили гонореей,
Не укрылся даже Тутанхамон,
И всех пиратов вздёрнули на реи.
Нет, рубим леса, отфильтровываем бумагу,
Электронку выдумали и её сюда же…
Без кубометров стихов ни шагу,
Уж лучше бы в «лагушках» творили брагу
Или, как Парки, пряли пряжу.
Но все зашикали: «Тише, тише,
Не мешайте, мы же стихи пишем…»

Стих 125
ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА 50-Х

А не прогуляться ли нам по городу,
Которого уже нет: вот старый вокзал,
Разобрали как двадцать лет,
От него отчаливали колёсники-пароходы,
На причале шпана девчонкам не давала прохода.
Одинокий фланировал милиционер,
Противник всех репрессивных мер.
У вокзальчика речного – скверик,
В нём парочка, у неё почти истерика,
Застала мужа с женой капитана,

Можно сказать, сердечная рана.
А за сквером – склады, базарчик, ларьки
До самой реки, до затона,
Где летнее солнце в Енисее тонет.
На земле рассыпаны пивные пробки,
Шелуха, из-под конфет кульки,
Тут же грузчики у стены вповалку,
Но милиционер с ними не вступает в перепалку,
Тогда ещё не было вытрезвителей,
В форточках двухэтажек застряли грабители,
Но и на них милиционер – ноль,
Чего тащить у граждан – перекатная голь,
Богатые торгаши и капитаны,
Те в деле сбережения далеко не «бакланы»,
Деньги хранят не в стеклянной банке,
А в надёжном хранилище – «Сбербанке».
Дальше, за болотом, – мясокомбинат,
Опоясан длиннющей из оград,
А ещё дрожжзавод, фабрика пимокатная
И снова голь перекатная.
Но жили весело, курили «Север»,
Имели через одного по две ходки на север,
Курили «Беломорканал» и махорку,
На ночь запирали ворот створки,
Выпивали, бывало, дрались,
Но милицию, помня НКВД, опасались…
А грузчики под забором уже обоссались…
И некоторые по второму разу уже напились.

Стих 126
ПОЭТ МИХАИЛ СВЕТЛОВ

Все смотрели фильм «Бриллиантовая рука»
И знают, что есть лайнер «Михаил Светлов».
А ещё был такой поэт,
Написавший немало хороших стихов, –
Литературы верный слуга,
Своего века и народа ершистый сын,

Как говорили, а отсюда «пароходу и человеку…»,
И надо полагать, что не без причин.
Один из романтиков ушедшего века.
Его «Гренаду» пели все и везде,
Также пели когановскую «Бригантину»,
Тогда писателей держали в узде,
И многие угодливо гнули спину.
Но не из таких был Михаил Светлов,
Слегка ироничный, немного пьющий,
Хотя не был он потрясателем основ,
Однако шёл своею дорогой.
Посмотрели фильм о бриллиантовой руке,
Заодно вспомнили о поэте хорошем,
Михаиле Светлове, с душой налегке
Жизнь прошагавшем этаким Гаврошем.

Стих 127

Андрей Бильджо рассказывал, что
У них в подъезде московского дома
Сновали тараканы величиной с чернослив,
И у нас были такие же,
В сибирском провинциальном городке,
Остальное другое: водослив,
В кадушках пальмы,
Мне кажется, в Москве повыше,
Почти как в Гаграх,
Наверное, их поливали «Виагрой»?
«Виагра» тоже годится в пищу,
Даже растениям, даже животным.
И тараканы ели «Виагру».
Её, наверное, раскладывали научные сотрудники
Или сбрасывали со спутников
По замысловатым траекториям.
Шли годы, наступило время разрядки,
А тараканы были до лакомства падки,
Но, по-видимому, не рассчитали свои силы,
Этим и вырыли себе могилу.

Их нишу заняли рыжие «прусаки»,
Эти питаться «Виагрой» не дураки
И хоть кое-как существуют,
Однако жизнью по пустякам не рискуют
И говорят спасибо Чуковскому Корнею
За то, что не забыл прадедушку-злодея,
Которого этот самый Корней
Обрисовал для советских детей.

Стих 128

Чем занимается молодёжь в поселении?
А чем баре занимались в имении:
Пьянствовали, развратничали,
Играли в карты, насиловали девок дворовых,
И наши такие же, честное слово,
Только насильничать никого не приходится,
Сами приходят и даже трезвые вроде.
У каждой сотовый, под блузкой – сиськи,
Хочешь тискай, а хочешь не тискай,
А хочешь сразу… молчит зараза.
Потом катаются в авто:
У кого – то, у кого – не то,
Почти у всех одинаковый утиль,
А туда же – автомобиль.
Ещё курево, конопля, «ханка»,
За последнюю могут вывернуть наизнанку,
Но «ментам» связываться неохота,
Устраивая охоту на идиотов.
Добрая половина имеет справки,
А отсюда пенсии, как инвалидам,
Больше на голову.
А не скажешь по виду.
По виду – здоровые
И рожают детей,
За что пособие им от властей.
Вот чем занимается молодёжь в поселении,
Если всё высказать, не хватит местоимений,

Хотя и хорошие попадаются изредка,
Родителям пишут издалека,
Мол, папа и мама, себя берегите
И лучше дома по вечерам сидите,
Телевизор смотрите? Вот и глядите.
Или по «видаку» о Гите и Зите,
Пока беспредел в зените.

Стих 129

Тупо выводить буквы:
Вагонмаш,
Вагонмаш,
Вагонмаш.
Вагон – марш,
Вагон – марш,
Вагон – марш.
Теперь в городе ни вагонов, ни обувной,
Ни трикотажной и других фабрик.
И люди мало чего потеряли,
Вьетнамцы – основная рабочая сила,
А ещё предприниматели с Кавказа –
Любители девочек и паприки,
Поставщики спирта и краски акриловой,
Топорных кроссовок, футболок и джаза
На кассетах, а до этого – виниловых дисках,
Поставщики фруктов, конкурентов нашей редиске.
Стали на рынок просачиваться китайцы,
Объяснялись едва, на пальцах,
Но быстро усваивали язык
И что означает милицейский рык.
Тупо выводить буквы:
Челноки,
Окорочка,
Базар.
Шныряют байстрюки,
В небе солнца шар,
Облачка.

Чина,
Чина,
Чина.
Бесцельно шляться по магазинам
И чувствовать ухмылки в спину…
– Мужчина, погадать тебе… –
И прилипшее семечко на губе.
– Ну, смотри, плохо будет!
Хуже уже не будет,
Зарплату не платили полгода с четвертью,
Город полнится слухом и сплетнями:
Гайдар,
Ваучеры,
Чубайс…
Слава богу, не требуют аусвайс.
Потом страна ужалась на треть,
И мало ли кто кого хотел поиметь.
Теперь пугают:
– Уже забыли, как жили и
На что пили, пока так жили?

Стих 130

«Поэт. Родился. Техникум окончил.
Работал слесарем, пел с цыганами,
Потом филфак универа заочно,
Преподаёт английский и без изъяна»…
Я думаю, как Шукшин: «Судьба – сучка…» –
Уж как она этот типаж намотала:
То ярко светила, то вполнакала,
То головоломки, то взбучки,
И опять без лифта с этажа на этаж.
Это надо же столько образования,
И фамилия как у английского лорда,
Не то Культяпкин, не то Тюлеряпкин,
Ну, очень красивая, и хозяин – гордый.
Вот и мне с моей биографией так же,
Токарничал, правда,

И учился заочно,
А вот поэтом не считался ни разу,
Больше преподом или чернорабочим.
Но фамилия – 17-е колено,
В Книге дворянских родов полазайте,
На странице 238 непременно…
Князья Смоленские, сразу за Вяземскими!

Стих 131

Снег идёт, он сверху, с боков,
Спереди и сзади…
У прохожих: от студента до последней бл...и,
Основатель и ниспровергатель основ.
Дотронуться бы до снежинки губами,
Которая приклеилась к волосам
Той, которая, постукивая зубами,
Приплясывает, желая отдаться вам.
А мы – без принципов, но с предубеждением,
И корчим из себя странноватую личность,
Понимая, что за выпивку и настроение,
А ещё на гостиницу – не хватает наличности.
Положение хуже губернаторского,
Намного хуже и смешнее даже.
Откуда способности берутся ораторские,
Хотя слова одно другого гаже.
И уже не обращаешь внимания на снег,
На эти хлопья и на эту чёлку…
Без денег какой может быть успех,
И какая любовь около новогодней ёлки,
Когда вокруг раздаётся смех,
А на душе кошки и воют волки.

Стих 132

Эта девочка придумала себе любовь
К такой же взбалмошной девчонке:
Нос к носу, к брови – бровь,
А дальше – нечем, рвётся там, где тонко.

В объятия бы к здоровенному мужику,
Да чтоб застонать от желанной боли,
А они прилипли лобок к лобку,
И ничего новее, и ничего более.
– Мы любим друг дружку,
Она – мой идеал…
А годы подводят к иному порогу.
И кто это и когда сказал,
Что всего хорошего понемногу.
Уже и детей бы в детсад водить,
Да откуда возьмутся дети,
Если подружку продолжает любить,
Как никого другого на этом свете.
В глазах вспыхнет искорка: «На,
Лови меня, как слепую сильфиду…» –
А в прядях предательская седина,
И смех сквозь слёзы, считай, для вида…
Прибиться хоть б к инвалиду.

Стих 133

«– Где учились? – Бог качнёт права.
– В 170-й средней школе. Пушкинская
Улица, Москва».

В. Соколов

А я считаю, что мне повезло,
Потому что учился я в 1-й школе,
Вечерней, всем «дневникам» назло,
В своеобразном педагогическом поле.
Мы днём у станков резали металл,
Слесарили, девчонки пододеяльники шили,
А вечером по-своему каждый классику изучал
И высчитывал морские мили – промилли,
Забывая про пододеяльники и автомобили,
Которыми занимались днём,
А ещё девочек негордых любили
И гордых тоже – каждая со своим крестом –
Во время занятий и на квартирах свободных.

Учащиеся в люди потом выходили,
Кто-то и не выходил,
Учителей уважали, а кто-то сразу забыл.
Хотя хранили в душе вечерней звезды свет.
Той «вечерки» теперь нет.
Наверное, есть другая,
Я про это не знаю
(минуло немало лет).
Полезут глаза из орбит,
Когда кто-нибудь говорит,
Что прежде всё было плохо.
– Другая эпоха, – говорю со вздохом,
А чтобы совсем плохо… пожалуй, нет!

Стих 134

С чего бы это снегу вздумалось опускаться к земле,
По идее – хватит,
И так она лежит, как в белом халате:
Ничего знать не знает и шуточек не приемлет.
Вот пробежала собака (злая, однако),
Лаяла и снег кусала по ходу дела,
Наверное, не нравится, что снег белый,
А может, наоборот – очень понравилось,
И собака решила исправиться,
Смотрите, мол, я добрая и не кровожадная,
И погодка нынче такая отрадная.
Прошёл по дороге мужик окон мимо,
К торговке спиртом спешил пилигримом:
Сейчас жахнет «шмурдяка» банку,
А завтра на работу с похмела спозаранку,
Значит, опять кланяться этой бабе,
Которая среди бела дня людей грабит.
Хотя какие это люди,
Безвольные водочные маньяки,
Лучше бы брали пример с собаки…
Вот детина проскакал, на коне который,
И тоже к известному заговорённому забору,

Потом «бичи» – сладкая парочка…
И так весь день: то гусь, то гагарочка.
А снег идёт, падает тихо-тихо,
Снегу нет смысла пока затевать шумиху,
У него впереди почти полгода –
Месяца четыре холодной погоды…

Стих 135

В центре города – большая квартира,
Оставленная СП национальным писателем,
Теперь там «Дом литераторов» для близира
И тени умерших стихотворцев-мечтателей,
И живые заходили, не перецапались пока
Все со всеми, и некогда заниматься творчеством,
Когда от пертурбаций болят бока
И настроение от ссор весьма испорчено.
Получается – не книги, а друг другу фиги
И поэмы, как у Маяковского пушки жерлами…
И некогда маститые – теперь расстриги,
А девы юные – закланий жертвы.
Сам «Дом…» ещё держится из последних сил,
Но снег белым саваном вторую зиму.
Зашёл бы, чаю выпил и горе излил,
Но некому: ни врагов, ни любимых.
Дом творчества натворил с лихвой,
Теперь охота не писать, а лаяться…
Или попроситься бы на покой,
Да писателям творческих пенсий не полагается.

Стих 136

Когда идёт снег, меняется мироощущение,
Кажется, до неба как никогда близко.
Люди чаще падают на коленки,
Давясь жвачкой и сглатывая ириски.
В глазах у них загораются огоньки
От внезапного такого приземления
И ждут в надежде протянутой руки

Или скорой помощи к объекту падения.
Падает снег, пешеходы падают,
Из окон, по Хармсу, вываливаются старухи,
И в снежки играют какие-то гады,
А они всё кружатся – белые мухи.
Вот нет на них санэпидстанции,
Развели, понимаете ли, серпентарий летучий,
А снег падает без разрешения инстанций
И даже не ссылается на облака и тучи.
И вообще, он сеется из ничего,
Создавая особое настроение –
Вода замороченная, только и всего,
Кому в радость, а кому – столпотворение.

Стих 137

Чья-то бабка на самокате через рай…
Юбка развивается, а она едет,
Промелькивают старушечьи трусы – пускай,
Авось успею ещё к обедне.
Я бы ей крикнул: «Бабуся, чего?!» –
Но ведь это не моя бабка
И вообще сон, только и всего,
Из-за чего весь этот шум и давка?

Стих 138

– Их много, а я – один, –
Говорит ученик на уроке истории. –
И откуда мне знать, сколько у Наполеона морщин
Прибавилось после обеда в «Астории».
Знаю, что у Кутузова один глаз,
А у царя Александра детей – ноль,
Не математика идёт сейчас…
Учитель прерывает его:
– Изволь отвечать по существу
О роли партизанской войны, не более.
Ученик морщит лоб:
– А провалиться чтоб,

Я взаправду учил уроки.
Нельзя ли чего полегче мне,
Без этих сражений при Бородине… –
И делает вдох глубокий.
Учитель хмурится и ставит «кол»,
А ученик думает: «Пропал футбол,
Хотя это не самое страшное наказание
За невыученное задание,
А ещё отец может заставить мыть пол,
Якобы в назидание».

Стих 139

Утром посмотришь в окно – красота,
Снежок землю припорошил вокруг дома,
А по дороге, считай, босота
Уже везёт санки с металлоломом.
И где только накопали его
(у нас здесь грунт уже весь перерыли),
А это… центнера два итого,
Какие-то кровати, запчасти автомобильные,
Чуть ли не от газика рама…
Она – «бичёвка», и он – «бич»,
Наподобие перовской «Тройки» прямо,
Едва светает, а эти уже впряглись –
Повезли к приёмщику сдавать за копейки,
Чтобы сразу опохмелиться с утра.
И не одна у нас такая семейка,
Подрастает предприимчивая детвора,
Выходит, одна шайка-лейка.

Стих 140

Иду из магазина как ни в чём не бывало:
Бутылка масла, хлеб, мыла два куска,
А навстречу вразвалочку – известный «бухало»
И сразу клянчить «на полторушку пивка».
Оно, конечно, занять не штука,
Да мало того, что всё равно не отдаст…

При встрече со мною, такая мука,
Будет стараться уклониться от глаз
И думать: «Должок, знать, хочет
С меня, а где на отдачу взять?»
Он не работает, между прочим,
А туда же: «Займи…» –
Ну как тут не вспомнить мать?
Теперь так и будет ходить, коситься,
А впрочем, я денег не дал ему.
К вечеру этот мужик проспится,
А деньги нужны и мне самому.

Стих 141

Бабка, почему тебе так плохо помогали боги,
Твои простые в фольге отштампованной боги,
Или они не очень помогают убогим?
Рисованные на тонких картонках,
Они с того времени, когда была девчонкой,
И пришлось идти в Киево-Печёрскую лавру
Молиться тем дорогим и главным,
Чтоб дали детей,
И боги услышали бабкин голос,
Я буду им тоже молиться вечно,
Только благодаря их чуткости сердечной
Появились на свет божий дядья и моя мать,
А после боги опять про родных забыли,
И долго северные ветры выли,
Пока из Кремля команду не решили дать.
Рано ушла из жизни мать, дед и дядья,
А бабка всё молилась картонным своим богам
О царстве небесном и чтоб жилось интересно нам,
Её внукам, а дети те, которых выпросила когда-то,
Передали эстафету нашим скромным богам.
Спасибо им и за это,
Вершителям судеб, комедий и драм.

Стих 142
К столетию известного дома

Это здание называли «24 трубы»,
Не знаю, не считал,
Сначала был мал,
Потом в нём провели центральное отопление,
Наверное, сразу после наводнения –
Ещё одного для города наваждения,
И печи с трубами разобрали,
Чтобы «пассажиры» не убежали
Через проёмы в крыше,
Тогда бы ещё один казус вышел.
Недавно отмечали тюрьмы столетие
(от сидельцев особые междометия
по такому знаменательному поводу)
И, наверное, заслуженных рецидивистов
Отпускали погулять в поле чистом,
А может быть, вывели на экскурсию поутру
К Расстрельному кресту
Неподалёку, в сосновом бору,
На месте захоронений известного года,
Сколько там положили народа?
Рецидивисты повздыхали тайком
И к своим «хатам» побрели гуськом.
Вот вам и «24 трубы»,
От Протоки метров сто ходьбы.
Городу тюрьма даёт места рабочие,
Поэтому её не запишешь в «прочие…»
И рано ставить здесь многоточие,
Не будем этого делать и мы,
Всякий знает «от сумы и тюрьмы…»,
А тем, кто до фактов охочие,
Скажем: «Погодь, и не приведи, Господь!
Даже в столетие известных палат,
Чтобы выписали тебе сюда наряд…»

Стих 143

Односельчане, которые здесь не живут давно,
Не перестают удивляться:
«Была улица, и не стало», – им не всё равно,
Вроде бы города уже стало мало?!
Любят приехать в родное село
Понастальгировать, сейчас очень модно.
– Вот здесь меня с Колькою развезло,
А вот там нам с ним же набили морды.
Ах, как жили, немало воды утекло –
Мы же старожилы как никак с Колькой.
Машину зерна, начальству назло,
Пропьёшь, и никто не заметит – сколько?
Да, о прошлом всплакнуть не грех:
Общественная баня, радиоузел в конторе,
Овец, как девок, не пересчитать всех,
Вчера бухал, сегодня не угадаешь – с которой.
– Да-а, большое было село,
А теперь маленькое, и люди – черти.
Вчера меня с Колькою развезло,
Так сразу и отметелили,
Спасибо, что не до смерти!

Стих 144

Сейчас якобы борцов с той властью
Было до чёртиков, почитай – все,
Но прятались, словно ужи в овсе,
Пели гимны, как положено, Ильичам,
Внимая правильным партийным речам,
Читали пропагандистские сказки,
А в партии стояли скорей для отмазки,
Почти каждый второй – герой.
Хотя партийные билеты спрятали.
Для истории, говорят, как артефакты.
Вот вернётся то время назад,
А у нас не слова, а факты!

Стих 145
СЕКСОТ

Мне по жизни не попадался ни один «сексот»,
То есть сотрудник секретный,
Хотя в детстве считалось, он – идиот,
Ну, в общем, плохой человек, вредный.
Я и кагэбэшников не встречал,
И никто меня никуда не вербовал,
Наверное, я был для них бесполезный.
Мне даже обидно немного
И представлялся такой подвал,
А в этом подвале – крутой амбал
И стенографистка, одетая строго.
И этот амбал ко мне приставал,
Выпытывая тайну весьма военную
И секретную непременно,
А я, кроме того, что к однокласснику
В раздевалке залез в карман,
А ещё меня в сад сманил хулиган,
Но об этом я не собирался говорить и под пытками
Этим двоим, чересчур прытким.
И тогда шеф меня отпускал
На все четыре стороны.
Я выходил из подвала на белый свет,
И мне грезился чёрный пистолет,
И в небе кружили чёрные вороны.
Вот так и прошла впустую жизнь,
Ни на кого не донёс, хотя на меня
Донесли однажды. Вернее, оговорили.
Ох, и лупили же, ох, и лупили
В свойственном этим ребятам стиле,
И даже когда я себе распорол живот,
В областной больнице зашили
И потом в сорокаградусный мороз
Возили в автомобиле,
В жестяном «автозаке»,
В тапочках, рубашке и тонком трико

Снимать швы. Обошлось без «Вдовы Клико»,
Короче, отнеслись как к собаке.
Но гэбэшники были здесь не при чём.
До сих пор побаливает плечо,
А ещё шея и рука немеют
К перемене погоды,
Но к секретным службам я претензии не имею,
Они так и остались за таинственною завесою –
Про них мы узнаём, знакомясь с прессою.

Стих 146

Когда-нибудь это будет не со мною и далеко,
Об этом даже писать нелегко,
Я буду стоять на высокой скале,
А там, внизу, облака, город и река,
И какой-то небесный экскурсовод
Объяснит, да так, что оторопь возмёт,
Про тот оставленный мною свет,
Уже не в самом расцвете лет…
И всё-таки я бы ещё пожил там
На радость простым земным богам,
В гости бы сходил к одному из друзей
И выпил бы, если друг скажет: «Пей,
На том свете не подадут…»
Как знал, и долго стоять ещё тут,
На этой каменистой скале,
У входа в небесное царство,
Слезу размазывая по дряблой скуле?
Какое лукавство и какое барство,
Держать меня, как патрон в стволе,
Как наркомана держать на игле,
Перед отправкой в неведомое государство.
А кто-нибудь из небесной братвы
Скажет: «Товарищ, нам не до игры,
Вас много, которых там ещё нет,
И вообще – у нас обед…»
Растеряюсь, тряхну головой:

– Может, завтра прийти?
– Стой, если хочешь, от безделья пой,
Наш золотой.

Стих 147
В клубе «Водник»

В этом клубе сегодня танцы
С двадцати до двадцати четырёх.
Кроме трёх жён и четырёх вдов –
Минусинская шантрапа,
Редко кому двадцать два:
Чарли, Зихар, Чекля,
Туран и Косой, а ещё Джон,
Муж одной из жён,
Двух других уже повели в бильярдную.
Самую что ни на есть кавергардную,
Уже на столе разложили.
В клубе водницком и не таких любили
Раскручивать, и… раскрутили,
Но для этого посолидней есть плавсостав,
А рулевые мотористы и просто матросы
Не уважают дамочек гундосых,
Они любезничают с теми, кто помоложе,
С молочно-матовой кожей лиц
И обладательницами вспархивающих ресниц.
Мелодия «Маленького цветка» вытягивает душу,
В буфете под «Маленькую девочку» водку глушат,
Принесли из соседнего дежурного магазина,
Мешают с пивом – забавная картина.
«Де вой кумала,
Кэсмо молгограде,
Ты рядом, ты со мною рядом…» –
Парни поддатые уже созрели,
Начинают выводить хрипловатые трели,
Вставляя нецензурные рулады.
Двое с третьим разбираются у ограды,
А те взрослые околопристанские дамы

Кому-то объявляют: «Не приставайте, хамы!»
Время идёт, и матросы решают
Идти на танцы в парк,
Прихватив с собой всех Джульет и Жанн де Арк,
А ещё Тупу и Щербакову Эмму,
Чтобы с чувихами не было проблемы.
Но до парка нужно ещё дойти,
И компания распадается на полпути.
А на реке в огоньках у дебаркадера пароходы:
Музыка гремит в любую погоду
О девчонках, которые на палубе танцуют,
О Карелии, волна плещется о гальку речную,
И посверкивают чёрные иллюминаторы.
Речники, вообще-то, плохие ораторы,
Привыкли к точным они командам,
Которые, вибрируя, щекочут гланды.
Зато лихо обращаются с женским полом
Под покровом ночи весёлой,
А утром опять на теплоход, под флаг
Речного енисейского пароходства,
Мимо скребущих речное дно драг,
Вниз по реке, тогда ещё чистоплотной,
До Красноярска и до Дудинки,
Но это уже другие картинки,
Дорогие мои речники-мореманы –
Наивная молодёжь и конченые мужланы.

Стих 148

У этой девочки в стихах проглядывает Цветаева,
Боязливо, как мышь из подвала.
Марина Ивановна – она многим покоя не даёт,
Да и не давала, мантия горностаевая
Всей нашей дамской литературы,
А значит – культуры.
Девочка желает на цыпочки встать,
Чтобы до уровня кумира достать
И в поэзии нечто такое понять,

И с собой унести, словно тать,
Словно волчья сыть поступить.
А Цветаева говорит: «Пусть,
Это русская моя грусть
На полях той чужой страны,
На полях той моей вины,
Хотя где здесь моя вина,
Что уже пересохла душа,
Что она обнажилась до дна.
Я сказала себе: «Держись».
Только, видимо, кончилась жизнь.
До сих пор я по чьим-то стихам брожу
И покоя не нахожу…»

Стих 149
ЗЯТЬ

Он ударник одиннадцатой пятилетки,
Как спецы говорят – боёк,
Износившийся вдоль и поперёк,
От самой низшей и до высшей отметки,
А ещё он чей-то зятёк,
Но тёще совсем невдомёк,
Что зять у неё герой труда,
Что мотается он туда-сюда,
Лишь бы матери угодить жены,
А жена видит вещие, но мутные сны,
И её съедают четыре стены,
Может, попробовать белены?
Тогда точно стена левого фронта
Отодвинется до горизонта
И такие откроются перспективы,
Но пока ещё все здравы и живы.
Здравы, это значит в своём уме,
Чёртик болтается на струне,
Колокольчик в дверном проёме,
И даже тёща не в сумасшедшем доме,
А всё ещё детям компостирует мозги,

Хотя в голове её ни зги.
И напрасно подумывает зять,
Эту «маму» неплохо бы замуж отдать,
Передать, как дорогое наследство
Или противоугонное средство,
Кому-нибудь по соседству…

Стих 150
СМЕРТЬ ДОКТОРА

Ян Яновича убили.
Сначала пытали и долго били,
Интересовали их золотые ложки и гири?
Профессор некогда «отбывал» в Норильске,
А доживать решил в Минусинске.
Тепло на юге и совсем другие здесь люди,
И мне покойней, как-никак – безконвойный.
Говорят, большой в медицине знаток,
Но на всякий роток не накинешь платок:
Лечил и простой народ, и расфуфыренных дам,
Говорят, золота имел не один килограмм
От благодетельниц, исцелённых профессором.
И намекали, мол, был процесс
После смерти Максима Горького,
Каждому врачу вкатили по столько –
Это рубеж 1937 года,
Ясное дело – враги народа.
Отбыл своё и пожалуйте в ссылку
Через красноярскую пересылку.
Я и то помню старичка в пристанской амбулатории.
Собралась шпана, не дотянувшая до консерватории,
Не слыхивающая про консисторию,
И решила: пациентов много, значит, богат.
Враг народа – и наш враг, гад.
Ночью пришли в дом, где Ян Янович жил с женой,
Говорят, домработница надоумила на разбой,
А утром она же объявила про трупы.
Вся эта кодла залетела глупо,

Но много за стариков не дали
(может, кого подзолотили?). Едва ли.
Тогда в ментовке боялись друг друга,
Доносили, наветы ходили по кругу.
Так и лишились доктора минусинские жители:
Язвенники и бациллоносители,
Лёгочники и гипертоники,
Запойные алкоголики
(прежде говорили просто – пьяницы)…
И каждый при встрече доктору кланялся.
Его до сих пор помнят на Пристани,
Руки золотые и душа чистая.
Выжил в сталинских лагерях,
А смерть принял от тех, кто в «тельниках и якорях».

Стих 151
НОГИ

У моей бабки была деревянная нога,
Самая обыкновенная «деревяшка» пиратская,
Но на ней неудобно было шагать,
И бабушка одевала «протез гадский».
Во-первых, он препротивно скрипел
И требовал постоянной смазки,
А я тогда был совсем пострел,
И бабушка представлялась персонажем из сказки.
Хотя очень доброю была –
Шиманская Евдокия Степановна.
Она в конце концов умерла,
Повинуясь неведомым небесным планам.
Не помню, соборовалась или без
Отпевания отправилась в последнюю дорогу.
Одно в память врезалось: сиротливый протез
И её «деревяшка» стояли у порога.
Эти «ноги» напоминанием остались о ней,
Я немного бабушке уделял внимания,
Но с годами протез скрипит всё сильней,
И «деревяшка» стучала в моём
Запоздало прояснившемся сознании.

Стих 152
МАТРОСКА

Когда я маленький вырос из старых вещей,
Которые исправно трепал и занашивал,
Бабушка засела и на машинке своей
Сшила матроску, никого не спрашивая.
Строчила на старенькой машинке «Зингер»,
Ножной, громыхающей, но вполне исправной.
И матроска понравилась не только Зинке,
Всей детсадовской группе, далеко не славной.
В матроске тянуло к голубым морям,
Океанам, даже весьма солёным,
На горе соседским бабкам и матерям,
Завистникам с известным наклоном.
И тогда самый сообразительный мальчуган
Полоснул по матроске чем-то острым сзади…
И сразу обмелел бушующий океан,
И пираты замерли на дощатой ограде –
Все они горе разделяли его,
Оплакивая такую сногсшибательную обнову,
А бабушка вздохнула, только и всего,
И её машинка застучала снова.

Стих 153

Она принимала в ларьке бутылки,
Пальчиками по горлышку, сколов нет,
Проводила, проверяя, пока не подхватила
Каких-то болячек целый букет:
От чесотки и чуть ли не до экземы –
Люди разные: бичёвки, бомжи…
В перчатках надо бы, и никакой проблемы,
Но не надоумили типажи.
А тело между тем покрылось струпьями,
И медицина не дала допуска ей
Работать в торговле. Совсем ещё глупенькая,
Теперь она слоняется среди теней,
Потому что в город приехала из деревни,

И в каком качестве вернёшься назад?
А ведь была прежде чуть ли не Марьей Моревной,
Если бы накинуть расписной плат.
Девочки этой надолго не хватит
В условиях жестокой урбанизации,
Захоронят, как безродную, в казённом халате,
На милостыню одной из организаций.

Стих 154
М.Ц.

Какие бы стихи ей ни посвящали,
Что бы о её творчестве ни говорили,
Обязательно припомнят, не в конце, так в начале,
О петле в Елабуге и о забытой могиле.
А она ещё в юности твёрдо знала,
Что вкусней не бывает кладбищенской земляники,
И так эта мысль ей в душу запала,
Что её не заглушили ни окрики, ни крики.
Прошла, беспечная, через людскую молву.
Друзья приветили, да не эмиграция, так лагеря.
Говорят, меч не сечёт повинную главу…
Ещё как сечёт, мягко говоря,
Жёстче можно, да куда же ещё?
Потом спохватились, ах, Марина Ивановна…
Некому подставить плечо
И поздно начинать жить заново.

Стих 155
ОБОРОНА

Покойники на сельском кладбище
Держат круговую оборону,
Неподалёку пасутся коровы на пастбище,
А на деревах отхаркиваются растревоженные вороны.
Командиром этого умершего отряда
Дядя Никодим, он в войну командовал взводом сапёров,
Подбадривает: «Отвлекаться на лирику не надо,
Никаких потусторонних разговоров.

Враг силён, вероломен и даже коварен,
И кто там знает, сколько у него штыков,
Нужно отрядить диверсантов в село,
Знаю, что нелегко,
Но надо сделать вылазку за кладбищенскую ограду,
Взорвать там точки, которые поставляют бухло
И тем самым губят народ без пощады.
Эй, не спите, вон очередного везут,
Траурная такая ползёт процессия.
Этак скоро все в селе перемрут:
Кто утопнет, кто застрелится, а кто повесится!»
Дядя Никодим продолжает драть глотку,
Командуя мужичьём и ополченками-старухами,
Которые соглашаются: «Виновата водка,
Но на живых завсегда бывает проруха,
А свежих мертвяков не пускать на кладбище –
Это не дело, сынки и сёстры.
Пускай ложатся, места всем хватит
На наших угрюмых родных погостах!»
Синими губами шевелят люди,
Как бы упредить, что ничего здесь нету,
Заодно сказать, что и впредь не будет
Ни чёрного, ни зелёного, ни розового света.
Пускай бы на своём вели праведный образ жизни,
Занимались работой, а не пьянством да наркоманией,
Тогда и наступит эра коммунизма,
И никакие идеологи нас не обманут,
Вокруг пальца запросто не обведут,
Вкупе с медоточивой братией клерикальной,
А может, ложь, что из обезьяны человека сделал труд,
И природа жизни не очень-то материальна?
На деревенском кладбище группа чудаков
Держит от мира круговую оборону:
Живите, люди, до возраста стариков
И этот шанс, пожалуйста, не провороньте.
В своё время мы выиграли такую войну,
Так неужели бездарно проиграем эту.

Тупики и трясины в плен берут страну,
Так поможем же нашим с того света.

Стих 156

По номеру многолетнего постоянства,
Но в ответ лишь гудки, гудки.
«Абонент находится вне зоны
Вашей связи и вашей тоски,
Вне зоны вашего понимания,
Вне зоны прежнего обожания,
Вне зоны нашей и чужой «Штази»,
И скорее всего, не в экстазе,
И даже от них не вблизи…»

Стих 157

Сплав Бродского, Цветаевой и попсы
Настолько крепок, что топорщит усы
От очередной из убойных порций.
И только один выбивается из общего ряда,
Аллилуйа поёт, где надо и где не надо,
Пугая и витийствуя, не забывая одеть трусы,
А остальные: кто в Анталию, кто в Трусковцы –
Это как позволяют червонцы,
И обязательно с крутым матом,
Запинаются об экскременты ребята,
Беря Савраску своего под уздцы.

Стих 158

Гляну на улицу – благодать,
Снег накомарником на окошке,
А вокруг белые порхают мошки,
И уже почти ничего не видать
На расстоянии вытянутой руки.
Может, просто позвонить в пространство
Или могут посчитать за хулиганство
Человека, умирающего от тоски?

Стих 159
Весёлый автобус

Весёлый автобус (номер забыл маршрута)
С правого берега идёт на левый,
Оно, казалось бы, три минуты,
Но в каждом окне по две румяных девы,
И грохоча по коммунальному мосту,
Он пугает пассажиров, имитируя съезд в реку,
А на острове Отдыха подворачивает к кусту
И гудит во всю Ивановскую: «Ку-ка-ре-ку!»
А потом приподнимает заднее колесо
И делает, как собачка, своё дело,
И у девушки справа краснеет лицо,
И так у каждой четвёртой девы.
Потом автобус продолжает маршрут
(у Оперного ведёт себя прилично),
Девушек обнажённых хватает тут,
И автобус засмотрелся на их обличье.
Затем по улице мимо всех магазинов
Вырулил на Копыловский мост.
Весёлый автобус при виде ж/д станции
Задал бы железнодорожникам весёлый вопрос:
Что за реорганизацию такую затеяли
И как вы смеете?
Вот билеты подорожают с Нового года
Или на это влияет погода?
Автобус на Копыловке примёрз
И другим не в пример, уже не едет
В Студенческий, где универ
И девушки требуют строгих мер,
Но автобус не откликается
И потихоньку ломается.
Называется – приехали, девы:
«Кому направо, кому налево,
Высаживайтесь, господа и дамы,
Пенсионеры, дети и мамы,
А мне прямо в железнодорожное депо,

Эти починят, им не западло,
У них, как вы слышали, реорганизация.
Проверенная информация».

Стих 160

З. Я. Яхнину

Очень хочется написать про Яхнина,
Но помня, что обижается его родня,
Когда я написал бы, как мы посиживали
За бутылочкою «Золотой долины»
(он жил в одном подъезде с моим сыном),
И жена моя замечала: «Пожилые люди…»,
А он подмигивал: «Нина Алексеевна, много не будем,
За ваш приезд к своему сыну,
Подумаешь, «Золотая долина»…
Яхнин в конце концов стал живописью заниматься
И на коллекционеров-попрошаек обижаться,
А мне подарил открытку-буклет,
На ней нарисована пара «штиблет» – зимних ботинок,
Сапожная щётка, крем и бархотка,
На газете «Красноярский рабочий».
Подписал: «С любовью к Вам всегда», –
Он не стар был тогда,
Романтик Севера, между прочим,
Инженер душ жителей своего края,
А сам из москвичей –
Зорий Яковлевич Яхнин,
Литературы слуга и гражданин.
Теперь его уже нет, и переехал мой сын,
Куда-то исчезла и «Золотая долина»
Из магазинов.
Как меняется красноярский свет,
А ведь жил когда-то такой поэт
В Академгородке, в доме № 17.
Больше и не на что сослаться…

Стих 161

В нашем селе мало кого убивают,
Сами, как мотыльки, замирают
На печальных осенних цветах.
У иных отражается небо в глазах,
У других в руке пивная бутылка
Или с куском селёдки вилка.
Дело может закончиться и суицидом,
Если сердце любовью разбито,
Хотя, может статься, запросто инвалидом остаться.
Время просеивает людей через сито,
И всё шито-крыто.
Но мы существуем ещё как-никак,
Вопреки всем разборкам и множеству драк,
Под вой шалеющих во дворах собак
И под возгласы типа: «Ты сам дурак!»

Стих 162
На стадионе

Из Поднебесной не получится кресла,
Она слишком большая – эта Поднебесная.
Зато отличные кресла
На подмосковной «Арене в Химках».
Девочка принесла на матч «невидимку»,
Такую почти игрушечную петарду,
И с трибуны, как из мансарды,
Бросила это средство пиротехническое
Под ноги динамовскому вратарю,
Нанеся ему увечья физические,
А не просто травму психологическую –
Химический ожог роговицы глаза.
Вот вам и фанатка-зараза,
А ещё пострадало у Шунина ухо,
Теперь беда у Антона со слухом,
А «зенитовские» болельщики ликуют:
«Да пошла она, эта полиция, в… растакую!
Лишь бы побузить дали волю,

Мы засыплем стадион солью
Бертолетовой, и нам фиолетово,
Надо было игры устраивать летом,
А зимою хоть гранату пронесёшь под полою.
Нет разницы – гости или хозяева,
Может, это выгодно третьей команде?
Атанда! Видеокамеры и менты
Нас отслеживают с высоты».
Ладно – фанов заменят фанки,
Это ещё мягко сказано, что засранки,
Можно и грубее, но футболисты – подранки,
Их на носилках уносят с поля.
Файеры по стадиону перекати-полем.
Свистков не слышно из-за гая,
В «динамовца» летит файер.
Трибуны воют и в зенит летит:
– Фойер!
Фойер!
Фойер!
Да просто время сейчас такое?

Стих 163
Судьба человека

Прочёл аннотацию к стихам
Одного хорошего литератора:
«Работает сторожем в этнографическом музее…»
Копить на жизнь не умеем,
Плохие с нас инкассаторы,
А вокруг не бандиты, так аллигаторы
Честнейшего российского рынка.
Друг охраняет туески и крынки
После мехмата МГУ и ВГИКа,
После хвалебной суеты и крика.
Когда-то критики в его стихах
Нашли «ярко выраженное нравственное начало…»
Музыка стихов бесконфликтно звучала,
Потом закончился разгул цензуры,

Но – ни друга, ни литературы.
Осталась должность в народном музее.
Я его жалею, как умею,
Но жалеть я плохо умею,
А ругать не получается совсем –
Друг мой не был всем и остался никем,
И теперь у него под головою книг стопка,
Еле мерцает огонёк в топке,
И все музейные артефакты расположились вкруг,
А посередине – мой друг,
Словно в окружении слуг
Древнерусского сказочного фольклора,
Тот самый, МГУ закончил который.
Он ежемесячно ходит в контору,
Зимой и летом, в любую погоду,
За получкой своей законной
К заоконной кассирше,
Считающейся мадонной,
О банковской карте имеющей слабое
представление,
Но это почти не имеет значения.

Козловский Алексей Дмитриевич

Перелётные ангелы нашей любви

Стихи

Редактор *Е. В. Чезыбаев*

Компьютерная вёрстка *Д. А. Чезыбаева*

Подписано в печать 26.02.2013.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Liberation Serif.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Печ. л. 9,87.
Тираж 100 экз. Заказ № 65.

Государственное бюджетное учреждение
Республики Хакасия
«Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75–18н,
тел.: (3902) 24–43–54, 24–30–39

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173